

В.И. Громов

НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

**Труд и быт
куйбышевских энергетиков
во время
Великой Отечественной войны**

**БАХРАХ-М
2015**

*Посвящается
70-летию Победы в Великой Отечественной войне
115-летию Самарской ГРЭС*

Г87 **Громов В.И.**

На энергетическом фронте. Труд и быт куйбышевских энергетиков во время Великой Отечественной войны. – Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2015. – 128 с.

ISBN 978-5-94648-116-8

Издание посвящено трудовому подвигу самарских (куйбышевских) энергетиков в период Великой Отечественной войны. Дополнение архивных материалов публикацией воспоминаний ветеранов энергетики, записанных автором книги, позволяет увидеть работу энергосистемы в контексте повседневной жизни «запасной столицы СССР».

В 2015 году наша страна празднует 70-летнюю годовщину Победы в Великой Отечественной войне. Свой вклад в разгром гитлеровской Германии внесли и энергетики Самары (Куйбышева). Именно они обеспечивали надежное энергоснабжение «запасной столицы СССР», давали электрическую и тепловую энергию ее населению, эвакуированным в город оборонным заводам и правительственным учреждениям. В этом издании не только собрана архивная информация о работе «Куйбышевэнерго» в тяжелых условиях военного времени, но и публикуются бесценные рассказы бойцов «энергетического фронта». Вспоминая свой труд и повседневную жизнь Куйбышева в военные годы, ветераны Самарской ГРЭС и Безымянской ТЭЦ создают групповой портрет тех подростков, что встали к турбинам и энергокотлам, заменив энергетиков, ушедших на войну.

**В.В. Дикоп,
директор филиала «Самарский»
ПАО «Т Плюс»**

Предвоенный рывок куйбышевской энергетики

В августе 1937 года постановлением Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) было принято решение о строительстве гигантской ГЭС в створе Жигулевских гор. Гидроэлектростанция, которую планировали возвести у Царева кургана, должна была быть почти в семь раз мощнее, чем Днепрогэс, и лишь чуть уступать мощности всех вместе взятых электростанций Франции того времени. Макет станции СССР демонстрировал на Всемирной выставке в Нью-Йорке в 1939 году. Стройка широко освещалась в газетах того времени. Энергия новой ГЭС должна была дать импульс развитию промышленности Поволжья, а водоснабжение из рукотворного моря – повысить урожайность сельского хозяйства. В газетах упоминалась даже возможность рисоводства на волжских берегах. Пресса призывала строителей будущей гидроэлектростанции к трудовым подвигам: «Вся страна, весь многомилли-

«Волжская коммуна», 24 апреля 1939 г.

**«Волжская
коммуна»,
10 октября
1939 г.**

онный советский народ следит за ходом работ на Куйбышевском гидроузле. Центральный комитет ВКП(б) и товарищ Сталин ждут от коллектива строителей подлинно большевистских темпов в работе. Оправдаем великое доверие народа, партии, правительства, вождя и учителя товарища Сталина! На страх врагам, на радость трудящимся всего мира создадим величайшее сооружение современности – Куйбышевский гидроузел – детище третьей сталинской пятилетки»¹.

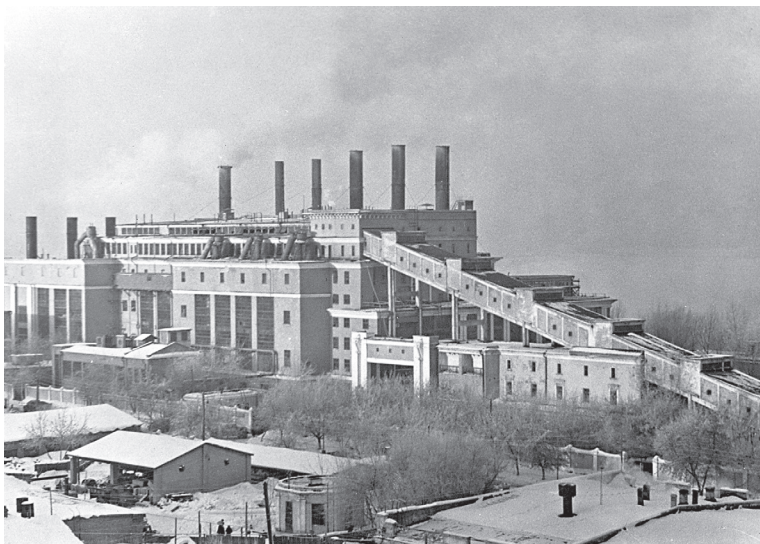
Однако без электроэнергии ГЭС было построить невозможно. Гигантскому гидрострою нужно было надежное и достаточное энергоснабжение. При этом, в 1937 году в Куйбышеве работала лишь Самарская ГРЭС (в начале 30-х годов XX века станция называлась Куйбышевская ГРЭС им. Г.М. Кржижановского и Куйбышевская ТЭЦ). Мощностей этой станции не хватало даже для обеспечения существующих потребностей города. Из-за сложившегося энергодефицита

Внешний вид Куйбышевской ГРЭС в начале 30-х годов XX века

постановлением № 11 Президиума Куйбышевского облисполкома от 03.01.1938 г. Куйбышевскому энергокомбинату предоставлялось право по собственной инициативе изменять предусмотренные нагрузки предприятий, ограничивалось использование энергии организациями на световые вывески, а горожанам разрешалось использовать не более 60 ватт электрической мощности в каждой комнате их квартир.

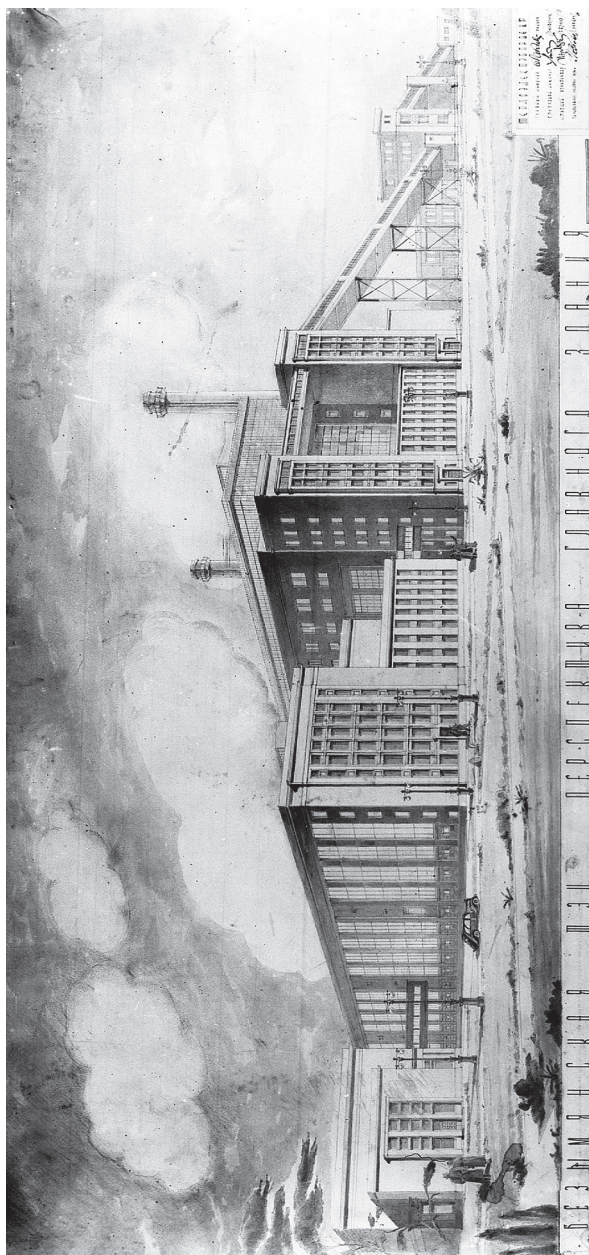
В 30-е годы XX века отсутствие резерва и изношенность оборудования ГРЭС приводили к неоднократным перебоям в энергоснабжении Куйбышева. При этом в политической обстановке 30-х годов каждый отказ оборудования создавал для работников энергосистемы риск быть обвиненными в умышленном вредительстве и саботаже. Управляющий Куйбышевского энергокомбината Петр Коковкин вынужден был оправдываться следующим образом: «В связи с многочис-

**Производственные корпуса Куйбышевской ГРЭС
после реконструкции 1937–1941 годов**

ленными письмами рабкоров “Волжской Коммуны” о перебоях в снабжении электроэнергией, считаю необходимым сообщить следующее: Вредители, сидевшие в Главэнерго и Энергокомбинате, всячески тормозили расширение Куйбышевской электростанции. Их подлой деятельности способствовали враги народа, пробравшиеся к бывшему руководству Горсоветом. Поэтому ТЭЦ (речь идет о Самарской ГРЭС) сейчас не в состоянии удовлетворить возросшую потребность жителей и промышленности в электроэнергии... Помимо того, мощность станции вообще недостаточна, отсутствуют резервы оборудования»².

Для обеспечения энергией «величайшей стройки сталинской эпохи» спустя месяц после принятия решения о строительстве ГЭС было решено реконструировать Куйбышевскую ГРЭС и к 1941 году увеличить ее мощность в 2,5 раза – с 24 до 61 МВт. При этом

Эскиз фасада БТЭС из проекта станции

в ходе реконструкции тепловая мощность станции выросла еще значительно: с 8 до 76 Гкал/ч. Отметим, что в ходе реконструкции был практически полностью перестроен главный корпус ГРЭС, а от старого, построенного ранее, осталась лишь одна стена. Однако было очевидно, что только реконструкции ГРЭС для обеспечения энергетических потребностей развивающейся громадной стройки и самого города не хватит.

Для решения этой проблемы совместная комиссия НКВД и Комиссариата топливной промышленности СССР приняла решение строить в 2,5 километрах от железнодорожной станции Безымянка новую электростанцию мощностью 100 МВт, которая должна была стать одной из самых мощных ТЭЦ в СССР того времени. Ток Безымянской ТЭЦ должен был подаваться на нужды гидростроителей, а когда ГЭС будет построена и надобность в энергоснабжении стройки отпадет, то и на другие промышленные предприятия вокруг станции.

Главный корпус Безымянской ТЭЦ был спроектирован институтом «Теплоэлектропроект» в стиле конструктивизма. Строительство новой станции началось в 1938 году.

В куйбышевских газетах 1939–1940 годов неоднократно рассказывалось об энтузиазме строителей ТЭЦ, необходимой Куйбышевскому Гидрострою. Две статьи были посвящены методу скоростного строительства, примененному при возведении здания насосной станции ТЭЦ³. «Здание было выстроено за 60 часов, вместо предполагавшихся проектом 70 и вместо полутора месяца в обычных строительных условиях. Производительность труда составляла по бутовой кладке 170 процентов, по кирпичной – 110. При этом было сэкономлено 3 тыс. руб.», – докладывал инженер

С.М. Шапиро. Однако справедливость требует признать, что расширение ГРЭС и строительство БТЭС проводилось не только вольнонаемными строителями, но и с использованием рабочей силы заключенных Самарлага, организованного 2 сентября 1937 года приказом № 369 НКВД СССР.

Летом 1940 года сообщения о строительстве Куйбышевского гидроузла и возведении Безымянской ТЭС пропали со страниц газет. О заморозке строительства ГЭС специально в прессе не сообщалось, но проектно-исследовательские и строительные работы по Куйбышевскому гидроузлу были законсервированы постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 24.09.1940 г. из-за «нехватки рабочей силы». Однако подлинные причины были иными.

Серьезной проблемой для гидростроителей стали недостаточно крепкие грунты у Царева кургана. Сохранилось критическое письмо профессора-гидростроителя Александра Михайловича Сенкова В.М. Молотову: «Осуществление схемы гидроузла... повлечет за собой неизбежность катастрофы. Основная ошибка руководителей строительства заключается в том, что они предполагали наличие в основании плотины прочной скалы, вместо которой оказались мощные отложения доломитовой муки... Такое решение нельзя рассматривать иначе, как государственное преступление». Серьезность этих опасений подтверждается и тем фактом, что позднее Жигулевская ГЭС была построена в ином месте.

Однако огромное влияние на отказ от озвученных планов оказала и предвоенная обстановка. Об этом упоминал, в частности, нарком электростанций и электропромышленности СССР Михаил Георгиевич Первухин. «Как известно, до войны было развернуто строительство Куйбышевской ГЭС. На ее сооруже-

нии работало примерно 100 тыс. человек. И вот где-то в середине 1940 г. Сталин вызвал Андрея Андреевича Андреева – секретаря ЦК ВКП(б) по кадрам, наркома внутренних дел СССР Лаврентия Берия и меня. (Я тогда уже был заместителем Председателя Совнаркома СССР.) Сталин неожиданно для нас предложил: “Давайте, мы пока свернем строительство Куйбышевской гидроэлектростанции и всю эту мощнейшую организацию направим на создание авиационных заводов в районе Куйбышева”. Это решение впоследствии, в начале войны, сыграло громадную роль в обеспечении производства боевых самолетов»⁴.

Таким образом, отказ от строительства Гидроузла не вызвал прекращения реконструкции Куйбышевской ГРЭС и не остановил возведение Безымянской ТЭЦ. Выпущенное в августе 1940 года государственным комитетом обороны при СНК СССР секретное постановление предписывало НКВД построить в районе станции Безымянка три авиационных завода, а Безымянская ТЭЦ из вспомогательной стройки для ГЭС в один момент превратилась в сверхважную секретную стройку, без которой в Куйбышеве невозможно было бы развернуть новые оборонные предприятия.

Основной рабочей силой для строительства корпусов авиационных заводов и Безымянской ТЭЦ вновь были заключенные. При Особстрое НКВД для этих целей был создан Безымянский лагерь, или попросту Безымянлаг. Возглавил Безымянлаг майор госбезопасности Александр Павлович Лепилов. К июню 1941 года численность заключенных лагеря составляла более 92 тысяч человек. Из них в разные периоды времени от 3 до 5,5 тысяч строили Безымянскую ТЭЦ⁵. Заключенным поручались лишь самые простые строительные операции, причем под руководством вольнонаемных специалистов. Монтажом и наладкой оборудования

Труд заключенных активно использовался в 40-е годы при строительстве всех промышленных предприятий Безымянки, но мемориальная табличка была установлена только на Безымянской ТЭЦ

занимались квалифицированные монтажники. Согласно документам около 11% заключенных Безымянлага были политическими, остальные были осуждены за уголовные и хозяйственные преступления.

Неподалеку от Безымянской ТЭЦ сохранилось здание казармы сотрудииков НКВД, охранявших лагерь. В здании была комната для хранения оружия, прачечная и т.д.

Фотографии строительства Безымянской ТЭЦ

Мобилизация на энергетический фронт

Директор Безымянской ТЭЦ Владимир Смирнов, прибывший на станцию 12 июля 1941 года, вспоминал, что нападение Германии на Советский Союз вызвало трудовой героизм не только у вольнонаемных строителей и наладчиков оборудования, но и у заключенных.

«Что мы увидели? Строительство в самом разгаре. Закончены, но еще в лесах, главный корпус, котельный и турбинный залы, строится топливоподача, канал для водоснабжения. А строителей – как птиц весной на деревьях, только черенки лопат мелькают. Надо всем – огромный лозунг: “Родина в опасности!” Объявлены чрезвычайные, сумасшедшие, я бы сказал, темпы. Работа шла круглосуточно. По ночам станция сияла в огнях, как новогодняя елка. И даже среди заключенных халтурщиков не было, как звери работали. Что такое “Родина в опасности” – понимали все. И то, что люди сделали на строительстве в первые три военных месяца, можно считать настоящим подвигом.

Мы лихорадочно, недосыпая, готовились к пуску. Город был погружен во мрак – строжайшая экономия электроэнергии, свет в дома подавался только на полтора часа утром и вечером. Жесткие лимиты на ее потребление предприятиями устанавливались и контролировались горкомом партии. Вокруг нас, на Безымянке стали размещаться эвакуированные заводы. Едва они спускали станки с колес, с них требовали военную продукцию. А что значит промышленная продукция? Это – прежде всего электроэнергия! Её ждали

Безымянская ТЭЦ

от нас, ТЭЦ стала центром внимания и надеждой всей оборонной промышленности города».

Помимо ускорения монтажа и отладки оборудования, существенной проблемой при вводе в строй Безымянской ТЭЦ был дефицит персонала. Многие сотрудники ГРЭС ушли на фронт в первые дни войны (49 человек из них там погибло), и перевести достаточное число персонала на новую электростанцию было невозможно. Уже в июле 1941 года ГКО СССР принял решение, согласно которому рабочий и инженерно-технический персонал энергетических организаций не подлежал мобилизации, однако предоставление брони действующим сотрудникам не давало полного решения проблемы дефицита энергокадров. Известно, что некоторые из мобилизованных были отозваны для решения задач энергоснабжения Куйбышева. Например, преподаватель Индустриального института А.П. Титавнин

Мемориал Самарской ГРЭС.

Список погибших на фронте сотрудников станции

был отозван с фронта и отправлен на завершение строительства Безымянской ТЭЦ.

Однако в 1941 году наиболее часто вакансии заполнялись эвакуированными. Часть нового персонала получала профильное образование уже на рабочем месте. На Безымянскую ТЭЦ присылали эвакуированных энергетиков из Москвы, Белоруссии, Украины. Прибыли и одесситы, при отступлении взорвавшие свою электростанцию. И все равно квалифицированных специалистов не хватало⁶.

Обучать профессии приходилось на рабочих местах. Преподаватель музыки из Одессы стал дежурным на дымососах, артистка Гомельского театра – помощником машиниста турбины, студент театрального училища имени Щукина – мастером электролаборатории, бывший бухгалтер – водосмотром, а преподаватель иностранных языков обслуживала пылесистемы котла.

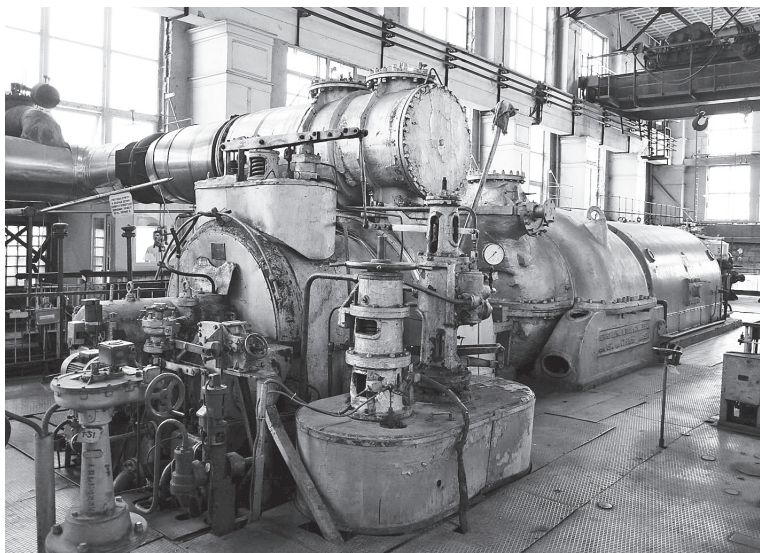
Огромный вклад в комплектование коллективов Куйбышевской ГРЭС и Безымянской ТЭЦ внесли учащиеся и выпускники ремесленных училищ Куйбышева. Часть студентов этих учебных заведений составляли эвакуированные подростки, часть набиралась по повестке из выпускников школ. Для удовлетворения нужд энергетики в Куйбышеве было создано специальное ремесленное училище № 14, которое располагалось

Мемориальные доски,
установленные
к 65-летию Победы на
Самарской ГРЭС
и БТЭЦ

на ул. Куйбышева, д. 131. Так же как и на иных оборонных предприятиях в СССР того периода, на электростанциях Куйбышева в качестве практики или на постоянной основе работали иногда и 13-летние подростки. Известно, что некоторым из них, работавшим в «минном» цеху ГРЭС, чтобы достать до станка, приходилось даже вставать на фанерный ящик.

Решая задачу надежного энергоснабжения, сотрудники электростанций не только имели бронь от призыва на фронт, но были ограничены в своих правах сменить место работы или уйти на фронт. «Если кто-то уходил добровольцем на фронт, его возвращали через военкомат. Более того! У нас были рабочие, направленные к нам, как на фронт», – вспоминал техник-электрик Безымянской ТЭЦ А.С. Авербух. Получение многочисленных отказов от военкоматов в просьбах отправить на фронт подтверждают ветераны П.С. Нагорнов, В.С. Свистунов, Г.А. Мелихова. Столь жесткое прикрепление сотрудников к рабочему месту объяснялось нежеланием государства менять обученного специалиста-энергетика на необученного новобранца-рядового. Помимо запрета на мобилизацию для ра-

Турбина Ленинградского механического завода им. И.В. Сталина,
1937 г. Самарская ГРЭС

ботников электростанций во время войны существовал и запрет на смену места работы и смену города проживания.

18 октября 1941 года первый турбоагрегат Безымянской ТЭЦ (турбоагрегат № 2) дал ток потребителям. Ровно через месяц после этого события и в связи с необходимостью координировать работу двух электростанций на базе Куйбышевского энергокомбината, существовавшего с 1932 года, было образовано Куйбышевское районное энергетическое управление «Куйбышевэнерго». В его состав вошли Куйбышевская ГРЭС, Безымянская ТЭЦ, управления электрических и тепловых сетей и энергосбыт. Управляющим Куйбышевэнерго стал М.П. Морозов, главным инженером – М.И. Матюнин. Директором Куйбышевской ГРЭС стал П.Т. Каковкин, Безымянской ТЭЦ, как уже было указано, – В.И. Смирнов.

Враг не пройдет

Назначение Куйбышева запасной столицей СССР, эвакуация в город десятков военных предприятий, правительственных учреждений, посольств иностранных держав делали крайне важной надежную работу Куйбышевской ГРЭС и Безымянской ТЭЦ. Для решения этой задачи необходима была, в том числе, и защита обеих станций от гитлеровских диверсантов. Не приходится сомневаться, что станции могли быть объектом такой диверсии или просто объектом авиаудара. Сохранились даже фотографии Безымянской ТЭЦ, сделанные германским самолетом-разведчиком.

По воспоминаниям ветеранов, для защиты от возможных налетов авиации на крышах цехов обеих электростанций были установлены зенитные орудия. Что касается ГРЭС, то прикрытием с воздуха также могла заниматься зенитная батарея, расположенная на площади им. Куйбышева, и зенитные орудия, которые находились напротив электростанции на другом берегу Волги. Интересно, что для дезориентации авиации противника и изменения внешнего вида электростанции, по воспоминаниям В.С. Свистунова, в начале войны даже была уменьшена высота дымовых труб ГРЭС. Есть информация, что трансформаторы собственных нужд электростанции в целях защиты от возможного попадания осколков были укрыты стеной из бревен. По воспоминаниям ветеранов, германские самолеты видели в небе и над ГРЭС, и около БТЭЦ, но бомбометаний по самим станциям германской авиацией осуществлено не было.

Охранялись и наземные подступы к энергетическому оборудованию: помимо вооруженной охраны на вахтах станций, часовые охраняли входы в отдельные цеха, а перемещения сотрудников по территории предприятия регламентировалось специальными отметками в их пропусках. По воспоминаниям ветеранов, часовой мог положить штыком винтовки на землю любого, кто забывал показать свой пропуск.

Более свободно перемещаться между цехами мог, естественно, ремонтный персонал.

На снимке, сделанном германским самолетом-разведчиком, не только виден дым из трубы Безымянской ТЭЦ, но и подписано расположение цехов станции

**Здание бывшей казармы НКВД,
расположенное около Безымянской ТЭЦ**

Ты головой отвечал за каждую кнопку

Рабочие смены у сотрудников электростанций во время Великой Отечественной войны длились по 12 часов. Впрочем, при необходимости работа продолжалась и после окончания смены. Особенно это касалось работников ремонтных подразделений. Старший мастер электроцеха Куйбышевской ГРЭС А. Айзенштадт писал: «Ремонтники не останавливаются ни перед какими трудностями, чтобы предупредить аварии. Как правило, устранение любого дефекта оборудования начинается немедленно после того, как он замечен. Тотчас же собираются ремонтники и не покидают цеха до тех пор, пока не устранят дефекта. Иногда работают по 30–40 часов подряд»⁷. При этом, поскольку скорейшее возобновление энергоснабжения оборонных предприятий было крайне важной задачей, то нередко были и случаи трудового героизма при ее решении. Известно, что сварщик Безымянской ТЭЦ И. Терехин ремонтировал котел, когда тот не успел достаточно остыть. Для защиты от жара сварщик работал, надев несколько фуфаек. Известен и другой случай, когда главный инженер Куйбышевэнерго Михаил Матюнин вместе с мастером Гайдуковым зашли в еще горячий котел для определения того, на какой из труб образовался свищ. Деревянный настил, по которому они шли над горячей золой, дымился у них под ногами. Матюнин и Гайдуков успели выйти до момента, когда он загорелся, а дефектную трубу обрезали уже сверху, не влезая в котел.

Огромной проблемой для энергетиков военного времени была расчистка железнодорожных путей, ве-

дущих на станции, и разгрузка прибывающего топлива – угля.

Зимой железнодорожные пути на ГРЭС, шедшие вдоль Волги, заметало снегом, а летом засыпало песком. Уголь из Карагандинского месторождения приходил в вагонах в виде смерзшейся массы. Сотрудников ГРЭС после завершения их 12-часовых смен отправляли долбить его кирками, лопатами и ломami. Для эвакуированных сотрудников станций задача осложнялась тем, что у них не было достаточно теплой одежды для такой тяжелой физической работы. «Мы тогда не думали, что расчищать железнодорожные пути от снега без рукавиц – это какой-то трудовой подвиг. Нас отправляли – мы делали. Такое было время, так было нужно для электростанции. Позже рукавицы мы сшили из старых шинелей. А на ноги сделали себе из старых одеял и шинелей матерчатые сапоги, которые утеплили слоем ваты. На это надевались галоши 42 размера, и все это именовалось словом «бурки». Эта обувь выглядела не очень красиво, но была гораздо теплее, чем брезентовые туфли с набитыми в них газетами», – вспоминает об этом времени Галина Антоновна Мелихова.

Сходные трудности с выгрузкой угля были и на Безымянской ТЭЦ. «Уголь здесь принимался на железнодорожных путях в открытые траншеи и в закрытом разгрузочном сарае, оборудованном щелевыми бункерами и лопастными питателями. В щелевых бункерах уголь, перемешанный со снегом, смерзался и зависал над столом лопастного питателя, образуя прочную корку. Такое положение ставило станцию под угрозу остановки. Складывалась парадоксальная ситуация: и уголь есть, а топить нечем. Что делать? Принималось решение, которое было допустимо лишь в условиях военного времени. Люди проникали в свободные отсеки и там, орудуя кайлом, обрушивали смерзшийся угольно-сне-

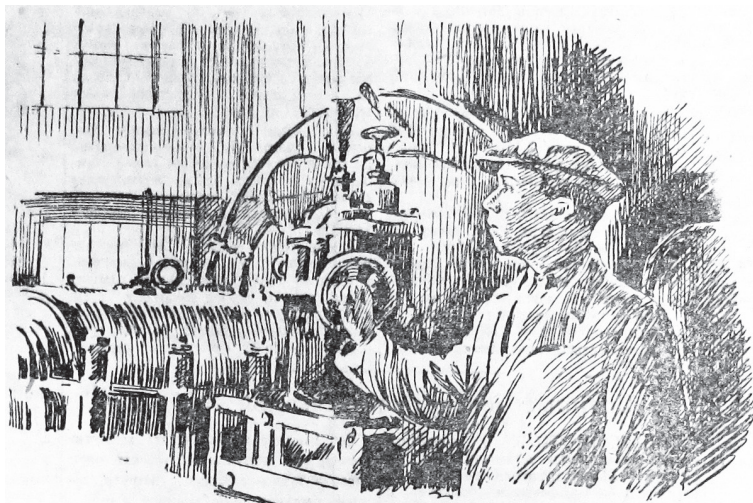
Сотрудники ремонтно-механического цеха Куйбышевской ГРЭС. 40-е годы XX века

говой панцирь. Обрушивали в буквальном смысле на себя, постоянно рискуя жизнью»⁸. Известно, что такой личный пример рискованной работы по разгрузке угля показывал уже упомянутый главный инженер, а позже управляющий Куйбышевэнерго М.И. Матюнин.

Постоянные сложности существовали и с доставкой угля на электростанции Куйбышева. В январе 1942 года запасы топлива на ГРЭС и БТЭЦ не превышали 4 дней. Известен случай, когда только звонок секретарю обкома Никитину и просьба о перенаправлении железнодорожного состава угля, идущего другому потребителю, в адрес Безымянской ТЭЦ позволили спасти станцию от остановки. В таких условиях экономия угля на производство энергии была крайне важной задачей, и в газетах публиковались фотографии сотрудников, добившихся особых успехов в снижении расхода топлива.

Высокая производственная нагрузка на энергетический персонал не означала смягчения требований к качеству его работы. Велась борьба с нарушениями трудовой дисциплины, которые, впрочем, во многом были вызваны чрезмерной нагрузкой на людей. Сообщалось, что «на Куйбышевской ГРЭС введен специальный обход станции с целью проверки – не спят ли люди в рабочее время! В декабре за одну ночь во время такого обхода было обнаружено спящими пять человек, обслуживающих ответственные участки. Глубоко права старая производственница – мотористка т. Шерстнева, заявившая, что железной метлой нужно гнать разгильдяев и нарушителей трудовой дисциплины»⁹.

Более серьезные проступки, чем сон в ночную смену, вызывали интерес уже не только руководства станции. «Спрашивали за качество работы сурово. За опоздание больше чем на 20 минут дело передавали в суд, с виновного три месяца удерживали 15–20% зарплаты,

Машинист турбины Куйбышевской ГРЭС С. В. Кирин, работая безаварийно, сэкономил 34,7 тонны условного топлива и 12.700 киловатт-часов электроэнергии. Рис. худ. Б. Филиппенко.

**Сотрудники Безымянской ТЭЦ и Самарской ГРЭС
поощрялись за экономию топлива и безаварийную работу.
«Волжская коммуна», 20 декабря 1942 г.**

лишали всех видов премии. Любая, даже самая короткая остановка электростанции расценивалась как ЧП и расследовалась комиссией на уровне обкома ВКП(б) и НКВД. Лозунг “Все для фронта! Все для победы!” конкретно означал строжайшую дисциплину, персональную ответственность для каждого из работников “Куйбышевэнерго”, – вспоминал А.С. Авербух.

Внимание НКВД ко всем ЧП на электростанциях и даже присутствие офицера во время пуска энергоагрегатов Безымянской ТЭЦ неоднократно упоминалось ветеранами, которые были проинтервьюированы для подготовки этого издания. По выражению Т.П. Гридневой, «ты головой отвечал за каждую кнопку». Впрочем, это касалось и довоенного периода. Приведем показательный пример из воспоминаний профессора СамГТУ

**Александр Самуилович Авербух
взорвал электростанцию в Одессе
перед приходом гитлеровцев.**

**Во время войны
он работал начальником
эл. цеха Безымянской ТЭЦ**

**Профессор СамГТУ,
доктор технических наук
Валерий Геннадьевич
Гольдштейн**

В.Г. Гольдштейна. «В новогоднюю ночь 1941 года в Куйбышеве из-за ухудшения погоды произошли серьезные перебои в энергоснабжении города. Моя мама в то время работала диспетчером Куйбышевской ГРЭС, и на следующий день ее забрали для разбирательства в НКВД. Беременную мной, ее били, требовали признаться, что она шпионка Японии или какой-то другой азиатской страны и специально устроила диверсию в энергоснабжении города. За нее вступилось тогдашнее руководство Куйбышевского энергокомбината, которое сумело доказать НКВД, что злого умысла и вредительства не было. Выпустили маму из тюрьмы где-то в середине января 1941 года».

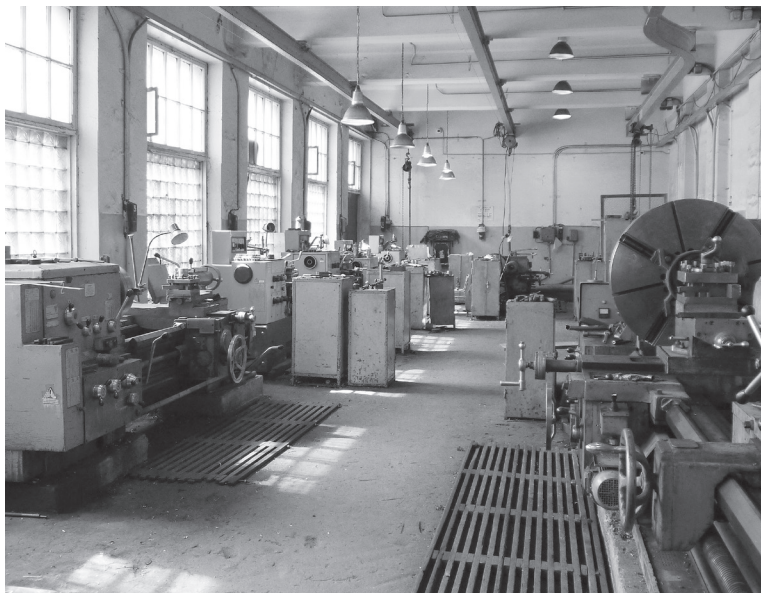
Отметим, что объяснениям энергетиков об объективных причинах отказа оборудования вышестоящие контролирующие органы верили далеко не всегда. В статье с характерным названием «Навести большевистский порядок на электростанциях!» секретарь Обкома ВКП(б) по электростанциям К. Костянян писал следующее: «Каждая авария – результат плохой работы людей. Однако этого еще не понял товарищ Жуков – начальник котельного цеха Куйбышевской ГРЭС. При разборе произошедшей в котельном цехе аварии т. Жуков пытался проводить “гнилую” теорию о невозможности работать безаварийно. Эта антигосударственная точка зрения встретила крепкий отпор со стороны коллектива станции, а т. Жуков понес заслуженное наказание»¹⁰.

Модернизация в условиях военного времени

Проблема топливоснабжения электростанций и промышленности, связанная со сложностями доставки угля в Куйбышев из Карагандинского бассейна в военных условиях в зиму 1941–1942 годов, была настолько серьезной, что уже 7 апреля 1942 года И.В. Сталин подписал постановление Государственного комитета обороны № 1563с о строительстве магистрального газопровода СССР «Бугуруслан – Куйбышев» протяженностью около 180 км и мощностью 200 миллионов кубометров газа в год.

В мае того же года было создано Управление строительства газопровода, а вскоре из Баку было срочно командировано 800 квалифицированных нефтяников. В числе строителей были и мобилизованные местные жители, и заключенные. Траншея 200-километрового газопровода рылась вручную. За 20 км до «конечной станции» газопровода – Безымянской ТЭЦ – стальные 300-миллиметровые трубы кончились, поэтому было принято решение об укладке асбоцементных. Есть документально неподтвержденная информация, что последние полтора километра от ТЭЦ, когда закончились и асбоцементные трубы, нитку докладывали отработанными орудийными или минометными стволами.

15 сентября 1943 года магистральный газопровод «Бугуруслан – Куйбышев» был сдан в эксплуатацию и позволил существенно сократить сжигание угля на Безымянской ТЭЦ. Если не считать 16-километрового газопровода «Елшанка – Саратовская ГРЭС», пущенного 28 октября 1942 года, то это был первый в СССР опыт

Помещение, в котором сотрудники Куйбышевской ГРЭС производили корпуса минометных мин в период 1941–1945 гг.

подачи газового топлива на электростанцию и ряд промышленных предприятий со столь отдаленного месторождения. Позже газовое топливо пришло и на ГРЭС.

Помимо забот с перенастройкой оборудования электростанций со сжигания донецкого угля (довольно большие поставки) на сжигание карагандинского и использования газового топлива, инженерному персоналу куйбышевских электростанций пришлось решать и проблемы, связанные с использованием сырой нефти в качестве топлива. Для исключения возможности ее взрыва на Куйбышевской ГРЭС была организована перегонка нефти с извлечением из нее столь дефицитного в то время бензина¹¹. По сути, на электростанции была создана первая в регионе нефтеперегонная промышленная установка. Интересно, что создал установку

тот самый Жуков, которого секретарь обкома ВКП(б) по электростанциям К. Костанян распекал за неумение работать без аварий¹². А на Безымянской ТЭЦ не только научились извлекать бензин из природного газа, но и построили печь для собственного производства извести, необходимой в химводоочистке. Поскольку существовали проблемы с получением ремонтных материалов, то на ГРЭС даже была смонтирована вагранка для выплавки чугуна.

Но не только решением производственных вопросов приходилось заниматься инженерному персоналу станции. В годы войны механический цех Куйбышевской ГРЭС был экстренно переоборудован под производство корпусов мин, которое продолжалось до 1945 года. На ремонтные нужды самой станции цех работал в то время по остаточному принципу. По воспоминаниям ветерана ГРЭС Сергея Алексеевича Ненашева, пришедшего в цех сразу после ремесленного училища, работа токарей была организована круглосуточно в три смены.

Битва за энергоэффективность

Делая все возможное для энергоснабжения оборонных заводов, энергетики всего СССР при поддержке органов власти старались повысить ответственность потребителей за эффективное использование энергии. Во время Великой Отечественной войны в Куйбышеве существовали жесткие лимиты на энергопотребление для населения, а осе-

нью 1941 года подача энергии бытовым потребителям просто прекращалась на некоторое время, когда это было необходимо для завершения строительства Безымянской электростанции.

В печати публиковали материалы на эту тему. «Каждый сэкономленный пуд топлива, каждый киловатт-час электроэнергии – это новые снаряды, патроны, предметы вооружения и снаряжения для нашей доблестной Красной Армии, ведущей героическую борьбу с немецко-фашистскими оккупантами. Всякий, кто не заботится о максимальной экономии топлива и электроэнергии, совершает тягчайшее преступление перед

Родиной, перед фронтом и должен нести строжайшую ответственность за это. Растратчики топлива и электроэнергии должны привлекаться к суду и судиться со всей суровостью военного времени»¹³, – писала «Волжская коммуна» 6 октября 1942 года.

Инспектора энергосбыта «Куйбышевэнерго» постоянно проверяли предприятия. 17 октября 1942 года начальник электроинспекции энергосбыта Фельдштейн сообщал, что «имеется еще немало заводов, продолжающих преступную растрату электроэнергии. В их числе завод, где главным энергетиком работает т. Коробейников... на заводе ничего не сделано для устранения причин перерасхода электричества. За хищническое расходование электроэнергии на завод наложен большой штраф. Но этого мало. Поведение главного энергетика т. Коробейникова должно найти самое решительное осуждение, как прямое преступление перед Родиной в дни грозной

опасности. Расточительство электроэнергии должно быть немедленно прекращено»¹⁴.

Сообщалось и о положительном опыте, например, об опыте инженера-электрика фабрики «Красная Звезда» т. Деулиной. «За 15 дней октября нам удалось добиться значительной экономии электроэнергии, – говорится в статье «Береги

электроэнергию» от 27 октября 1942 года. – Каким путем мы достигли этого? Прежде всего, уменьшением мощности ламп. Во-вторых, выключаем свет там, где можно обойтись без него. Раньше запрещалось включать агрегаты, если число работающих машин составляло менее 50%. Теперь агрегаты включаются, если работает не менее 70% машин»¹⁵.

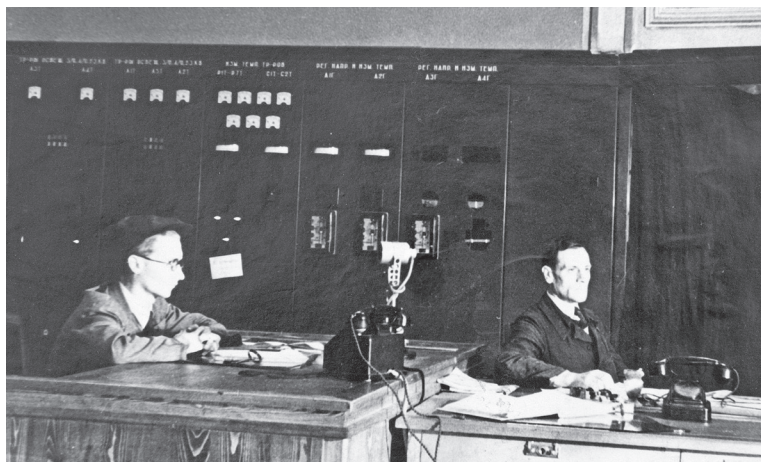

БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ

Проблемы продовольственного и промтоварного снабжения касались всего населения СССР, в том числе и жителей Куйбышева, однако уровень лишений, которые испытывали сотрудники «Куйбышев-энерго» во время войны, был различным. В наиболее сложном положении оказались, очевидно, эвакуированные в Куйбышев без родителей и прикрепленные к электростанции учащиеся ремесленного училища № 14, находящиеся на государственном обеспечении. Ветеран Г.А. Мелихова, эвакуированная в 1941 году в Куйбышев из Воронежа вместе со своим классом, вспоминала: «Кормили нас дважды в день – на завтрак и в обед. Ходили в столовую мы всегда строем, и наш воспитатель непременно заставлял нас идти с песней. Он потому нас заставлял петь, что это помогало легче переносить холод в пути. Ведь у нас не было ни шарфов, ни платков, неоткуда было их и взять. Некому было нас укутать в чужом городе. В столовой нам давали на завтрак овсяную кашу, 200 грамм хлеба и чай с сахарином, на обед суп, где несколько лапшичек плавали в воде, и 300 грамм хлеба. Конечно, мы всегда были холодные и голодные, но не злые. Вечером, чтобы как-то заглушить голод, вновь начинали вместе петь. Пели “Броня крепка и танки наши быстры” или “На границе тучи ходят хмуро”, это как-то бодрило и помогало отвлечься. Иногда продавали одну порцию хлеба на рынке, а на вырученные деньги покупали плитку спрессованного жмыха, семечек подсолнечника, оставшихся после отжима масла. Жмых нам казался очень вкусным, кроме того, он стоил гораздо

дешевле, чем хлеб, и одной плиткой могли как-то заглушить голод сразу несколько человек».

Сходные воспоминания о холоде, связанном с отсутствием теплой одежды, и голоде неоднократно звучат у ветеранов военной энергетики. Однако в гораздо лучшем положении находились семейные и более взрослые работники, которые могли подработать на стороне, содержать огород, подсобное хозяйство и т.д. Впрочем, основная часть проинтервьюированных автором ветеранов отметила, что ситуация с продовольственным снабжением в «Куйбышевэнерго» того времени была лучше, чем на некоторых других предприятиях. Здесь была возможность питаться в своей столовой, получать «килограммовую» хлебную карточку и, сверх того, за ударную работу дополнительно перловую крупу, хлеб и даже омлет. «Я пришел работать на Куйбышевскую ГРЭС учеником электрика в 1943 году, когда мне было 13 лет. Работал я по ночам. Для подростка это было, конечно, тяжело, но были и плюсы: за вредность рабо-

Щит управления Безымянской ТЭЦ

Щит управления
Самарской ГРЭС

ты нам готовили омлет из американского яичного порошка, полученного по ленд-лизу. Для нас это было как праздник. А про то, чтобы поесть в войну мяса, я не мог и мечтать», – вспоминал Г. Г. Жиров.

Впрочем, другим сотрудникам их уровень зарплаты позволял иногда купить дополнительно хлеб на рынке или съесть какой-то деликатес в виде булочки с колбасой или пирожного в буфете Куйбышевского Театра оперы и балета или филармонии.

Сохранились и иные воспоминания, говорящие о том, как работа на ГРЭС помогала облегчить быт. Ветеран Г. Г. Жиров рассказывал, что сотрудники ГРЭС в очередь выстаивались за водяным конденсатом, который появлялся от работы паровых насосов. «Мыла ведь не было, а конденсат – это мягкая вода, и в ней стирать было легче». «На ГРЭС был горячий душ, куда можно было сбежать помыться. А в училище нас водили

в баню строго по расписанию и только ночью. Днем в бане было все занято», – рассказывала Г.А. Мелихова. Специфика военного времени изменяла представления о границах допустимых норм приличия при решении своих бытовых проблем. «С бытовыми условиями у нас на станции тоже было плохо. Например, в бане не было мужского и женского отделения, и мы ходили туда вместе, но обстановка была такая, что никто никого и не стеснялся. Некогда было», – вспоминал Г.Г. Жиров.

В период войны и понятие выходных было весьма условным. Помимо разгрузки угля сотрудников электростанций могли направить на помощь подшефному колхозу, однако даже в сложившихся условиях люди находили возможность для отдыха. Летом ГРЭС устраивала пикники с совместным выездом за Волгу, а молодежь успевала между вахтами ходить в кино, на танцы в Дом офицеров, ДК им. Ф.Э. Дзержинского, смотреть спектакли в театре оперы и балета, посещать филармонию. На станциях существовали свои духовые оркестры. Работа велась и спортивным обществом «Энергия». По инициативе эвакуированных работников культуры, влившихся в коллектив Безымянской ТЭЦ, был создан драмкружок.

Трофейные мегаватты

За огромные заслуги в деле энергоснабжения победы над врагом в апреле 1945 года государственными наградами был награжден 31 сотрудник Куйбышевэнерго. В числе наград куйбышевских энергетиков были Орден Ленина, Красной Звезды, Трудового Красного знамени, Знак почета, медали «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие».

Коллектив Безымянской ТЭЦ был награжден орденом Ленина, этой же станции на вечное хранение было передано переходящее Красное знамя Государственного комитета обороны.

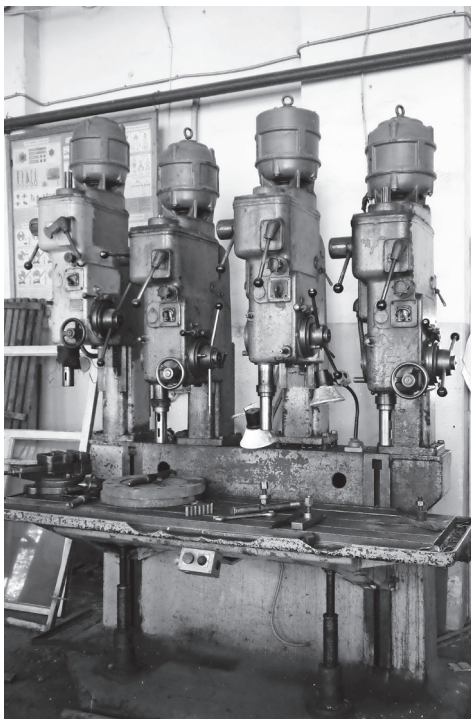
Но наградили за вклад в победу энергетиков не только орденами. Из поверженной Германии в СССР начало поступать трофейное энергетическое оборудование. В приказе министра электростанций СССР № 31 от 16 августа 1947 г. упоминается, что всего в нацистской Германии было демонтировано 119 турбин общей мощностью 3238 тыс. кВт и 156 энергетических котлов общей производительностью 12653,9 т пара в час.

Как минимум одна турбина AEG и два энергетических котла прибыли на склад трофеев, который был устроен в конце 1945 года на Безымянской ТЭЦ. Штат склада состоял из 13 человек, включая бухгалтера и вахтеров-пожарных, которые учитывали и охраняли привезенные агрегаты¹⁶. Помимо турбины, котла и кабеля на склад присланы были также электромоторы, различные станки. При этом учет оборудования требовалось вести с соблюдением секретности. Секретно-шифровальный отдел

Митинг, посвященный вручению знамени ГКО на вечное хранение коллективу Безымянской ТЭЦ

министерства электростанций инструктировал, что при описании объектов необходимо пользоваться шифровкой, указывая номер и маркировку демонтированного объекта без употребления слова «трофейный». Энергетические трофеи поступали в Куйбышев не только через склад БТЭЦ. Судя по переписке руководства Куйбышевэнерго, приходило какое-то трофейное оборудование со склада в Днепродзержинске. Ветераны С.А. Ненашев, В.Н. Сундукова сообщают, что представители ГРЭС и БТЭЦ выезжали на смотр трофейного оборудования в Москву и Германию. А Любовь Яковлевна Полякова, работавшая на ГРЭС и позже в управлении Куйбышевэнерго, сама участвовала в выезде специальной поисковой бригады на территорию Румынии. Целью группы был осмотр местных складов трофейного оборудования для поиска чего-то, что может пригодиться на энергетических предприятиях.

Трофейный
сверлильный
станок «Stenzel»

Поступавшее оборудование, естественно, не было в идеальном состоянии. Когда было получено разрешение на его использование для нужд куйбышевских электростанций, то пришлось потрудиться, чтобы оно заработало. «Перед пуском турбины № 1 немецкой фирмы АЕГ был обнаружен прогиб ротора. Мы с помощью газовых горелок провели правку. Вал ротора исправили, турбина проработала до 1990 года», – вспоминал ветеран Сызранской ТЭЦ Николай Григорьевич Малкин¹⁷. Отметим, что именно с этой трофейной турбины в 1947 году началась работа сызранской электростанции.

При строительстве этой станции также использовался и труд пленных немцев, что приводило иногда к

недопониманию на стройплощадке. На один из участков строительства кабельного канала прораб поставил бригаду местных рабочих с бригадиром и такую же бригаду из пленных немцев под руководством обер-лейтенанта, с которым кое-как изъяснялись жестами и словами. Вечером прораб определил, что местная бригада вырыла траншею и обложила бутом 15 метров. А немцы – только 5. Стали втолковывать обер-лейтенанту, что немцы сделали мало. Немец посмотрел работу другой бригады и, плюнув в эту траншею, подвел прораба к своему участку, поднял большой палец вверх и сказал: «Гут, Гут!». Пленный объяснил прорабу, что его бригада работать быстрее не сумеет, потому что не будет делать плохо¹⁸. Труд пленных гитлеровских военных использовался также и на Безымянской ТЭЦ, и на Куйбышевской ГРЭС.

Интересно, что часть трофейного оборудования сохранилась на самарских электростанциях и сегодня. На Безымянской ТЭЦ до сих пор работает трофейный насос фирмы «Клейн-Шанцлин и Беккери» и один энергетический котел с маркировкой KGS-140. Правда, за последние 70 лет котел столько раз ремонтировали и заменяли вышедшие из строя элементы, что из германского у него остались лишь маркировочные таблички да некоторые кованые детали. Гораздо лучше сохранился раритетный телефон фирмы «Сименс» с довоенным логотипом, исправно работающий на проходной станции. Что касается Самарской ГРЭС, то в ремонтном цехе станции до сих пор служит трофейный сверлильный станок берлинской фирмы «Stenzel».

Воспоминания ветеранов

Гриднева Тамара Петровна

Если хотелось есть, продавали свою пайку

Яс братом и мамой жила на Темирязевской улице в районе Дома Сельского хозяйства. Домики стояли по обе стороны улицы, а посередине был овраг, поросший травой. В нем мы играли в «краски-замазки», это такая игра с догонялками. А еще играли в лапту. Лапта была у нас самой любимой игрой. Недалеко от дома был Парк учителей, с кружками и спортивными секциями. В парке стояли «качели-гиганты» – это высокий столб, а к его верхушке прикреплены веревки с тряпичными лентами-сидениями. Разбегаешься с веревкой в руках, садишься в сидение и летишь вокруг столба.

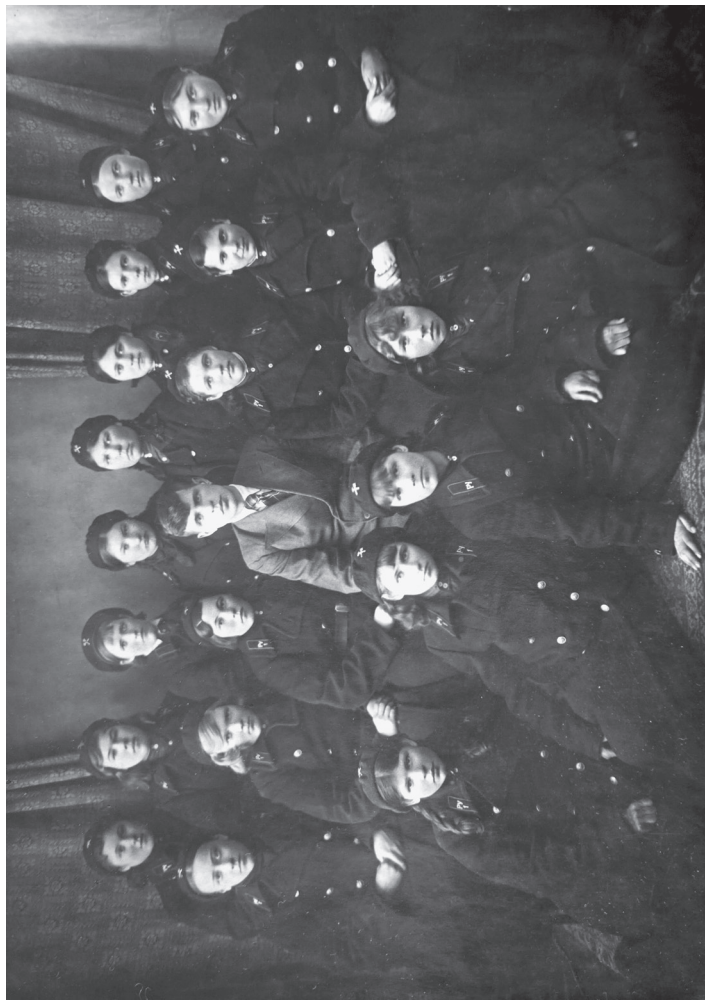
В 1941 году игры закончились. После 8 класса мне прислали повестку явиться в ремесленное училище. Я не хотела туда идти, мечтала дальше учиться, а мама стала плакать и меня уговаривать: «Сына в армию взяли, а тебя в тюрьму посадят, если не пойдешь по повестке». Так я и пошла. Ремесленное училище № 1 было

Тамара Гриднева
(Ивановская)
6 октября 1941 г.

от завода 42 (завод им. Масленникова). Немного мы отучились, и нас поставили на монтаж станков шарикоподшипникового завода (ГПЗ-4), который эвакуировали в Куйбышев из Москвы. Станки мы монтировали в бывшей конюшне, оборудование приходило все померзшее, арматура погнутая... Нас была группа девчонок и один мастер. Мастер по потолку цеха натягивал шину провода, мы подключали к ней станки, а если нужно было, то для этого выпрямляли арматуру. Молотками стучали, проверяли все. Когда станок начинал крутиться и вертеться, то знаете, как душа радовалась.

Потом в Куйбышеве организовали Ремесленное училище № 14 – специальное – энергетическое. Туда собрали учащихся энергетических специальностей со всех училищ. Помню, что у нас был очень хороший мастер Владимир Павлович. Если мы иногда вместо его уроков убегали в кино, то он нас пайки хлеба в виде наказания не лишал. А другие мастера свою группу лишали. В кинотеатр «Фурор» сбегали, в «Художествен-

Февраль 1942 г. Ремесленное училище № 1, группа мастера Артамонова. Этим девочкам
Родина поручила монтировать станки. Вскоре они придут работать на ГРЭС

ный»... В 1943 году нас направили на практику на Куйбышевскую ГРЭС. Сначала я там стала помощником дежурного щита управления и фиксировала показания приборов, а потом доросла и до дежурного щита управления станции. От меня зависело то, какие агрегаты ввести в работу, а какие вывести, я регулировала и частоту в сети, и какую мощность будет выдавать в сеть ГРЭС. Так на этой станции до пенсии и проработала. И не жалею.

В войну жить было тяжеловато, но мы были молодые девчонки, и это очень помогало. У мамы коза была, молоко и творог у нас в доме были, но все равно было голодно. Нам в ремесленном давали студенческую пайку хлеба всего лишь 300 грамм. Постоянно есть хотелось. А у шарикоподшипникового завода был «цыганский базар», и если уж очень хотелось есть, то мы с подружкой из двух наших паек хлеба одну там продавали. На эти деньги купим 3 стакана семечек и грызем целый день. И были, как говорится, сыты. Из ремесленного училища нас посылали еще на помощь колхозам. Помню, как пропалываем мы брюкву в поле, а часть ее выдергиваем, обтираем рукой и грызем.

Ну, а когда мы стали официально работать на ГРЭС, то там стало гораздо легче жить, нам уже давали рабочую килограммную хлебную карточку. И еще давали вечерние и ночные обеды. После смены бывало, что «на уголь» отправляли, он приходил смерзшимся, а мы его выгружали. А еще нужно было после работы расчищать железную дорогу, которая шла на ГРЭС от Жигулевского завода вдоль Волги. Зимой ее заносило снегом, а летом – песком. Отмерят тебе сколько-то метров, ты их очистишь – получишь килограмм перловки. Еще можно было за сто рублей буханку хлеба на рынке купить, а получали мы больше полутора тысяч в месяц.

Тяжело было, работали без выходных и отпусков, но молодость многое может. Например, перед ночными сменами мы ходили на танцы в клуб. А смены тогда были 12 часов. Танцевали танго, вальс, фокстрот, а потом бежали к 12 ночи к щиту управления. Почти как в «Золушке», получается, было, с бала на работу. Кстати, в оперном театре мы знали всех артистов. На галерку по билетам за 60 копеек ходили. Праздники отмечали вскладчину.

Про то, что Куйбышев был запасной столицей СССР и у нас размещены посольства, мы на станции как-то не говорили. Но ответственность в работе все равно чувствовали огромную, ведь наша станция во время войны снабжала энергией весь старый город и несла полную загрузку. Контроль за ГРЭС был самый пристальный. У входа в цех стоял вооруженный военный, охрана была и на проходной. Если случалось какое-то крупное ЧП, то всегда приходили из НКВД разбираться, не вредительство ли это. Помню, как отказал третий генератор, и начальника смены увезли на допрос, но потом отпустили. Ты головой отвечал за каждую кнопку.

Кутикова Лидия Николаевна

Я не смогу забыть никогда

Начало блокады

Я родилась в интеллигентной ленинградской семье. Моя бабушка была выпускницей Института благородных девиц, мама закончила гимназию, а тетя училась даже в консерватории, но, к сожалению, жизнь заставила ее переквалифицироваться из пианистки в машинистку. Папа умер, когда мне было 6 лет, и я росла с мамой и тетей.

В момент начала войны мне было 15 лет. Сразу стало чуть хуже снабжение в магазинах, но мы в нашей семье не придали этому особого значения. В Ленинграде до войны всегда все было, мы покупали ветчины не много, а брали в магазине маленький свежий кусочек на один вечер, свободно могли купить фрукты... Впрочем, даже мама с тетей решили чуть подстраховаться и после объявления о нападении Германии купили 6 батонов хлеба, которые на всякий случай засушили в сухари. Мы могли купить больше, но нас подвела наша уверенность в том, что все будет хорошо. Хотя, наверно, в тот момент никто не представлял себе, какой ужас нас ждет дальше.

Страшно стало 8 сентября, когда фашисты зажигательными бомбами разбомбили Бадаевские склады, в которых хранились все запасы продовольствия Ленинграда. Я не понимала, что именно произошло, но помню клубы дыма и то, как по улицам текли струйки расплавленного сахара.

После первых бомбежек и обстрелов я, как и все, бегала на крыши тушить зажигательные бомбы и даже потушила несколько, но как-то раз и сама чуть не свалилась с крыши. Первое время мы прятались в бомбоубежище, но после того как соседний дом заживо завалил всех, кто был в подвале под ним, мы перестали это делать. Впрочем, Ленинград страдал от артиллерийского обстрела сильнее, чем от бомбежек. Однажды я пошла отоваривать хлебные карточки в магазин на Невский проспект, и начался обстрел. Вместе со всеми спряталась в подворотне, рядом со мной стоял молодой розовощекий матрос. Он куда-то торопился и все время выглядывал на улицу. Осколок попал ему в лицо, и он упал. Я стояла совсем рядом с ним.

«125 граммов...»

В Ленинграде начался голод, пайки хлеба сократили до 125 граммов в день. Кто-то подсказал нам, что можно ходить на капустное поле и собирать примерзшие к земле листья от собранных кочанов. Мы ходили, хотя там были уже военные позиции, и солдаты уговаривали нас уйти. Нам было страшно, но мы не уходили, очень хотелось есть. Из этих замороженных листьев мы варили щи, как мы их называли. Еще меняли вещи на плитки столярного клея, которые потом варили в воде и делали что-то вроде холодца. Однажды сосед по дому пожалел меня и угостил куском вареной курицы, позже я узнала, что на самом деле это был его кот.

Люди начали умирать от голода. Семья, которая жила с нами в квартире, умерла вся. Вначале умер их маленький ребенок, потом жена, потом сам отец. Люди от голода умирают, как будто засыпают, могут умереть сидя. Сосед умер на кухне, где мы сидели вместе. Так я с ним и сидела в темной и холодной кухне, потому что вынести его тело было просто некому. Мама и тетя не выходили с работы по несколько дней.

Мы жили на втором этаже, и когда я спускалась по лестнице, то всегда проходила мимо наших соседей, которые так и остались навечно сидеть на лестнице дома. Трупы были и на улицах. Всегда было страшно и хотелось есть, я существовала в каком-то отупении чувств. Сейчас говорят, что в войну в СССР повысилась религиозность, но я ни разу не молилась о каком-то чудесном спасении. Меня так воспитывали, что мне это не могло и в голову прийти. О Боге я стала задумываться гораздо позже.

Чтобы как-то спасти меня от голодной смерти, мама упросила директора электростанции ГРЭС № 1, где они работали с тетей, взять меня на работу ученицей. Директор пожалел меня и принял. Я переписывала какие-то бумаги, разносила их и получала паек, как все работники станции. Две котлетки из капусты или тарелка щей. Огромным благом в замерзающем Ленинграде был горячий душ, который можно было принять на электростанции. Он был один, и все – и мужчины, и женщины – раздевались и ждали своей очереди пойти в него. Никто никого не стеснялся, на это просто не было сил.

По «Дороге жизни»

Вскоре мама совсем опухла от голода, и было видно, что она может умереть. Директор электростанции нашел ей стакан «жженки» – жидкого горелого сахара –

и маленький кусочек сала. Мама говорила мне, что не хочет есть, и упрашивала меня съесть это вместо нее, но директор предупредил меня, что делать этого нельзя. Вскоре он договорился и о том, что нас эвакуируют через лед Ладожского озера по «Дороге жизни».

С собой вещей мы почти не взяли, потому что не могли их нести. Сели в кузов грузовика под брезент и поехали. А был уже апрель, лед таял, но нам повезло – грузовик не провалился под лед. В дороге нас обстреливали, но мы доехали живыми.

Дальше эвакуация продолжилась в холодном «телячьем» вагоне, где сквозь пол были видны рельсы. Люди умирали и там. На эвакуационных пунктах нас кормили, но этого не хватало, мы были очень истощены. На одной из станций женщина, которая ехала с нами, купила за свое обручальное кольцо четыре соленых огурца. Угощала нас, мы отказывались, понимали, что она очень дорого заплатила за это лакомство. Когда она съела огурцы, то покрылась сначала красными, потом черными пятнами и умерла. Что-то было с засолкой, или организм не мог их уже принять. Санитары выбросили ее тело из поезда на ходу. Поезд не должен был останавливаться.

Прибыли мы в Куйбышев к маю 1942 года.

Здесь не стреляли

В Куйбышеве нам показалось сказочно хорошо: не стреляли, по сравнению с блокадными были большие пайки хлеба. Целых 500 граммов в день! Только всю нашу одежду пришлось сжечь, потому что за время дороги она стала кишеть вшами. Нужно было и обриться наголо. Парикмахерша сказала маме: «Жаль брить вашу девочку, у нее такие роскошные волосы. Хорошо бы сделать ей электрозавивку, которая убьет вшей, но это запрещено

делать маленьким детям». А мне было тогда уже 16 лет, но после блокады я выглядела гораздо младше.

Вместе с другими эвакуированными нас поселили у Куйбышевской ГРЭС в бараке бывшей тюрьмы, который специально отремонтировали к нашему приезду. Куйбышевская ГРЭС прислала нам бочку масла, меда, картошку и уголь для отопления.

Жизнь потихоньку налаживалась, мама устроилась на электростанцию. Но было по-прежнему довольно голодно. Кроме того, поскольку мы ничего не привезли с собой из Ленинграда, то для того, чтобы, например, пожарить картошку на воде, нам приходилось одалживать у соседей даже сковородку. Эту сковородку, которую нам позже подарили, я храню до сих пор.

Не было теплой одежды и обуви. Один из эвакуированных подарил мне немецкий френч. Я не могла в нем ходить, конечно, поэтому перекроила его и сшила себе жакет. Еще мне выдали брезентовые туфельки на деревянной подошве, в которых я ходила и летом, и зимой. Очень мерзла. Однажды получила ордер на валенки и страшно обрадовалась, но когда пришла на склад, там сказали, что валенок нет. Осталась только одна некомплектная пара: один валенок черный, другой – светло-серый. Так три года в них и проходила под насмешками, но зато мне было теплее.

В 1943 году я устроилась работать на Куйбышевскую ГРЭС, потом перешла работать в диспетчерское управление Куйбышевэнерго, а позже – в службу техники безопасности. В Куйбышевэнерго я проработала до пенсии. У меня есть дети, внуки, правнуки, 34 года я была очень счастливо замужем, но могу сказать, что блокаду не могла забыть никогда. Хлеб для меня до сих пор – это не просто еда и основа для бутерброда. Я режу его тоненько-тоненько. Люблю съесть кусочек просто так, для того, чтобы ощутить тот вкус и аромат, о котором я столько мечтала в блокадную зиму 1941 года.

Мелихова Галина Ивановна

Песня против голода

В неизвестность

Летом 1942 года, когда фашистские войска стояли у Воронежа, меня и еще примерно 80 учеников из нашей школы отправили в колхоз помогать убирать хлеб. Мы взяли постельное белье, смену одежды и поехали. Увезли нас на поезде километров примерно за 60 от города, поселили в сельском клубе, дали мешки, чтобы мы наби-

ли их сеном и спали на этих матрасах. На следующий день кто-то из нас зерно веял, кто-то его перелопачивал. В этот раз мы ободрали в кровь все ноги об оставшиеся стебли скошенных колосьев. Но вечером крестьяне нас, городских девочек, научили обматывать ноги мешковиной из портянок, и дальше уже было легче.

4 июля мы увидели дым в той стороне, где был наш Воронеж. Нам сказали, что в город вошли фашисты. Поплакали мы, поплакали о родных, но что делать? Надо работать дальше, понятно, что возвращаться нам теперь некуда. Проработали около месяца, потом нам сказали, что немцы приближаются и надо эвакуироваться дальше. Нас перевели в следующий колхоз, где

мы работали уже до сентября, а потом нас вновь собрали, погрузили в вагоны и отправили. А куда отправили, мы и не знали. Ехали медленно – недели две, уступали путь военным составам. Наши вагоны то отцепляли, то присоединяли вновь. Один раз в день нас кормили. Так и приехали в Куйбышев. На вокзале нас опять построили, рассортировали по возрасту и повели. Кто-то на вокзале сказал: «Самим есть нечего, а еще этих привезли». А ведь нам было по 13 лет.

На государственное содержание

Уже на следующий день мы начали учиться токарному делу на Станкозаводе. Из одежды дали нам рабочие халаты, ведь уже было холодно, а из Воронежа мы уезжали летом и теплых вещей не брали. Через две недели обучение закончилось, и мы начали уже самостоятельно токарить. Конечно, мы делали только самые простые детали. Потом началась зима, и вдобавок к халатам нам дали на утепление чьи-то ношенные гимнастерки, взрослые шинели черного сукна и шапки. Шинели нам были очень велики, и пришлось их обрезать снизу. Дали нам и брезентовые туфли 40–42 размера, а у нас, девчонок, размер ноги 34–36, к примеру. Ходить было невозможно, да и очень холодно в мороз, но наш мастер Иван Петрович научил нас набивать в чулки газеты. Так и ходили мы с кусками газет в чулках, и чуть теплее, и с ног обувь не падает. Только это и спасало в эту первую зиму в Куйбышеве. В это время никакой зарплаты нам не давали, но мы бесплатно жили в комнате в общежитии Завода клапанов и ели в его столовой.

Примерно через 5 месяцев нас определили в ремесленное энергетическое училище. Здесь нам наконец-то выдали собственную новую одежду: бушлатики, гимнастерки, юбки и новые брезентовые туфли. Правда, они

вновь были 42 размера. Дали нам две новые светлые комнаты на 28 девочек из Воронежа там же, в здании училища. Есть мы ходили в столовую напротив Куйбышевской ГРЭС. Кормили нас дважды в день – на завтрак и в обед. Ходили в столовую мы всегда строем, и наш воспитатель непременно заставлял нас идти с песней. Он потому нас заставлял петь, что это помогало легче переносить холод в пути. Ведь у нас не было ни шарфов, ни платков, неоткуда было их и взять. Некому было нас укутать в чужом городе. В столовой нам давали на завтрак овсяную кашу, 200 грамм хлеба и чай с сахарином, на обед суп, где несколько лапшичек плавали в воде и 300 грамм хлеба. Конечно, мы всегда были холодные и голодные, но не злые. Вечером, чтобы как-то заглушить голод, вновь начинали вместе петь. Пели «Броня крепка и танки наши быстры» или «На границе тучи ходят хмурые», это как-то бодрило и помогало отвлечься. Иногда продавали одну порцию хлеба на рынке, а на вырученные деньги покупали плитку спрессованного жмыха, семечек подсолнечника, оставшихся после отжима масла. Жмых нам казался очень вкусным, кроме того, он стоил гораздо дешевле, чем хлеб, и одной плиткой могли как-то заглушить голод сразу несколько человек.

Не думали, что это трудовой подвиг

В самом училище мы работали в мастерских, нас, девочек, учили делать инструменты: молотки, ножовки, кронциркули, угольники. Конечно, нам это не нравилось. Мы даже ходили в райком комсомола и просили нас вместо ремесленного училища отправить на фронт или работать в госпиталь, но нам сказали, что мы должны учиться на энергетиков. В снегопад, когда заметало железнодорожные пути, по которым на ГРЭС подвозили уголь, нас направляли на их расчистку от

снега. Разгружали мы и смерзшийся уголь. А у нас ни рукавиц не было, ни валенок. Мы тогда не думали, что расчищать железнодорожные пути от снега без рукавиц – это какой-то трудовой подвиг. Нас отправляли – мы делали. Такое было время, так было нужно для электростанции. Позже рукавицы мы сшили из старых шинелей. А на ноги сделали себе из старых одеял и шинелей матерчатые сапоги, которые утеплили слоем ваты. На это надевались галоши 42 размера, и все это именовалось словом «бурки». Эта обувь выглядела не очень красиво, но была гораздо теплее, чем брезентовые туфли с газетами.

Нам всегда страшно хотелось есть. Единственной отдушиной в военное время было то, что наше училище взял под опеку Театр Оперы и балета, который выдавал нам контрамарки. Мы с подружками чистили ваксой свои брезентовые туфли и бежали на спектакли. В партер, конечно, стеснялись сесть, и все оперы с балетами смотрели с галерки. Еще мы очень любили разглядывать с галерки хорошо одетых зрителей, пришедших в театр. Шефство театра было еще и в том, что артисты вели у нас кружки. У нас был и свой оркестр, художественный, хоровой и драматический кружок, с нами ставили какие-то пьески. В праздники мы устраивали в училище друг для друга концерты. Ходили мы на праздничные вечера и на Куйбышевскую ГРЭС, там тоже был свой духовой оркестр. На этих праздниках в столовой ГРЭС среди взрослых мы, конечно, не танцевали, но зато могли полакомиться праздничным винегретом с селедкой. Еще наша воспитательница приглашала к нам в общежитие старушек, которые обучали нас шить и вышивать. Вот и все наши развлечения были. На кино, конечно, денег у нас не было.

С 1944 года нас стали брать работать в цеха Куйбышевской ГРЭС, мы должны были понять работу на

всех рабочих местах электростанции от топливоподачи и до турбинного цеха. Я поработала везде и осталась помощником машиниста питательных насосов. Позже перешла на работу в котельный цех ГРЭС, а еще позже стала техником-нормировщиком, им и проработала 12 лет. Работать, конечно, было вначале тяжело, но были и плюсы. Сотрудники иногда подкармливали меня, мне впервые начали платить какую-то зарплату, кроме того на ГРЭС был горячий душ, куда можно было сбегать помыться. А в училище нас водили в баню строго по расписанию и только ночью. Днем в бане было все занято.

Всю войну искала я свою семью, оставшуюся в Воронеже. Думала, что они все погибли, но все равно писала на все адреса родственников и соседей. В 1946 г. наконец нашла брата с его женой, которые вернулись в Воронеж, и поехала к ним в отпуск, там узнала, что и мама с сестрами эвакуировались и живут в Свердловске. Все они тоже думали, что я погибла. Перед обратной дорогой в Куйбышев родственники собрали мне пару кофточек, сапоги, туфли на каблучке, белье. Так у меня впервые за четыре года вновь появилась какая-то одежда, кроме казенной формы.

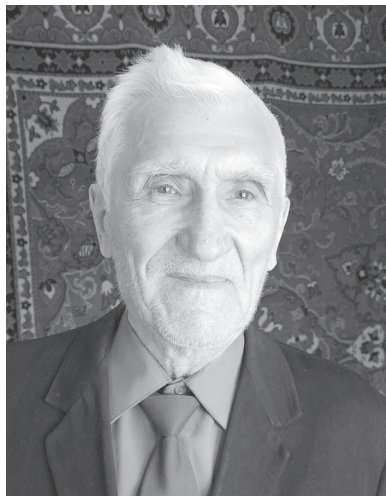
В Куйбышеве я продолжила работать на ГРЭС, закончила вечерний техникум. Позже перешла на должность инженера-оператора в диспетчерскую службу Куйбышевэнерго, а позже в службу автоматизации, где и работала до выхода на пенсию в 1986 году. Участвовала я и в строительстве здания на ул. Маяковского, в котором сейчас находится дирекция Самарского филиала Волжской ТГК, а раньше было управление Куйбышевэнерго.

После войны прошло много лет. У меня дети, внуки и 10 правнуков. Меня много раз приглашали в школы рассказать про войну, но я всегда отказываюсь, потому что до сих пор не могу спокойно вспоминать об этом времени.

Нагорнов Петр Степанович

В запасной столице СССР

Наш дружный двор

У нас был очень дружный двор в доме на Льва Толстого. Хозяйки с вечера бидончики и деньги оставляли у дверей квартир, чтобы не вставать в 5 утра, когда из Рождествено крестьянки привезут им молоко или зелень. Никто ничего не воровал. Двери у нас не закрывались. А спали мы, пацаны, летом на крышах сараев. Да и взрослые так

спали. Жарко же было в доме. И вот в этом дворе мы и услышали, что началась война. В семье Зайцевых был приемник СВД, он всегда работал, а окна в их комнате были открыты настежь. На весь двор было слышно, как Молотов говорит о начале войны.

На другой день мы побежали в школу, и нам объявили, что теперь там будет госпиталь, а нас переведут в другое здание. Неделью мы помогали парты вытаскивать и все вывозить, а потом нам сказали, что каникулы у нас будут очень долгими: в 7 класс мы учиться уже не пойдем. Правительство решило, что мы нужнее в «трудовых резервах». Мне тогда было 14 лет.

Прощание с велосипедом

В начале войны было распоряжение сдавать велосипеды для нужд армии. У меня хороший велосипед был: кожаное седло, а сам черный с желтыми полосками. Втулка была «торпеда», считалась очень хорошей. Ну, ладно. Принимали велосипеды в доме на пересечении Галактионовской и Некрасовской, там, где сейчас милиция. Народу был полный двор. Посмотрели мой велосипед и говорят: «Нет, мы его у тебя не возьмем. У тебя колесо погнуто восьмеркой, езжай в мастерскую на Самарской, его отремонтируй, а потом приходи и сдавай». И я его за свои деньги отремонтировал и только потом сдал. Принимали велосипеды обязательно с ключами, масленкой и насосом. Иначе не принимали. Выдали взамен мне бумагу, что после войны велосипед вернут, а если он не уцелеет, то выплатят деньгами. Ничего не вернули, ну и ладно, после войны мы трофейный купили.

Поездки на экскурсии

Устроили нам, мальчишкам из «трудовых резервов», медкомиссию в Одесском переулке. Это там, где генеральский дом на Красноармейской и Арцыбушевской. Раздели до трусов, прогнали по врачам всех быстро. Все годны оказались. Даже те, кто почти слепой. Нас распределили в Ремесленное училище № 6, в группу сантехников. Чему-то обучали, а через месяц сказали, что повезут на экскурсию. Оказалось, что экскурсия – это уборка на стройке, которую бросили после начала войны. Так мы и ездили на такие «экскурсии», кирпичи, цемент убирали. На завод 42 (им. Масленникова) тоже нас отправляли место для новых станков готовить. По-

том говорят: «Не нужны сантехники в войну. Вы все переходите в Ремесленное училище № 14». Это училище специально сделали, чтобы готовить энергетиков для ГРЭС и Безымянской ТЭЦ. Находилось оно на ул. Куйбышева напротив Госбанка.

Работа на ГРЭС

В 1942 году нас привели на Куйбышевскую ГРЭС, к нам выходили начальники цехов и разбирали, кому сколько надо народа. Я попал в котельный цех к слесарю Рыбкину, готовил с ним котел № 5 к пуску. Трубы гнули по шаблону, горелки делали, в кузнице работали. Эту науку я прошел. Потом перешел на угольную мельницу электростанции к Ивану Телегину. Через полгода поставили меня уже на самостоятельную работу в ночную смену на должность слесаря по ремонту пылеприготовительной системы. Работал я на шаровых мельницах. Что такое шаровая мельница? Это, грубо говоря, ящик, где металлические шары катаются и измельчают куски угля до размера пыли. Ведь нельзя в котел просто куски угля кидать. Чтобы корпус мельницы эти шары изнутри не пробили, его изнутри покрывали листами специальной волнистой брони. Когда бронь истирается, ее нужно менять. А один лист весит 80 с лишним килограммов. Как мне его принести? Вот ставлю его на попа и двигаю «как солдатику» по трапу. Потом «бац» – кидаю в люк, укладываю на листы асбеста, завинчиваю болты... А девчонка-сварщица в это время электротоком металлические заусенцы со следующего листа брони отжигает, чтобы он ровно к остальным лег. Очень тяжелая работа. Ну и угольная пыль и асбест для легких не полезны, конечно. А смена у нас длилась 12 часов.

Вид на Самарскую ГРЭС со стороны угольной галереи

У нас в каждом цеху часовые стояли для охраны станции от диверсантов. Просто так из цеха в цех ГРЭС не пройдешь, а только если у тебя в пропуске отметка есть, что можешь в разных цехах бывать. На фронт я просился, но энергетиков запрещено было на фронт брать. Мы раза два-три с моим другом Сережкой на призывной участок приходили, а нам военком говорит: «Чего тебе там делать? Не пущу. Тебя воевать учить надо, а здесь ты готовый специалист». Только после войны мне разрешили в военное училище поступить.

Трагедии

Не обходилось у нас и без смертей, к сожалению. Устал у нас один по фамилии Аникин и залез в барабан котла, который был на ремонте, решил поспать на фуфайке. А тут как раз распоряжение поступило котел

экстренно растапливать. А он спал и не слышал, как барабан болтами затягивают. Потом хватились: «Где Аникин?» А уже поздно, заживо сварился Аникин.

Помню, как к ГРЭС газопровод подводили в страшные морозы. Зима. Холодище. Пригнали откуда-то узбеков копать траншею по Ярмарочной улице через середину Воскресенского рынка, где сейчас бюст Устинова стоит. Помирили узбеки от простуды. Нас тоже на прокладку газопровода выгоняли обрабатывать напильниками крепления для труб. Скоблишь, а металлическая стружка тебе в глаза летит. Какие защитные очки?! Обморозишься и бегом в теплый цех. Перетерпели, конечно. Бочаров, эвакуированный из Харькова, на гору поднимался, схватился за сердце и помер. Он пожилой уже тогда нам казался, ему за 30 лет было.

Заклученные

Наша ГРЭС давала ток всем правительственным учреждениям и всему Куйбышеву, кроме Безымянки, в войну. Ответственность огромная, народа не хватало, поэтому нам в помощь часовые приводили заключенных из тюрьмы, которая была рядом с нашей столовой. Заключенных много у нас работало. Только мне обычно давали двоих-троих, которые вывозили шлак и угольную золу в вагонках по узкоколейке на берег Волги. Они меня нормально слушались. Чего ж им не слушаться, когда у них бригадир был блатной, а у него пруток металлический сантиметров 40. Если кто дерзит, то он его этим прутком: «Иди, гад, работай, а то пайку больше не получишь!» Со мной работал бригадиром бывший директор какого-то завода в Сызрани. Он там проворовался, на Новой Земле сидел, а потом

у нас досиживал. Кличка у него Бонат была, а так звали его Тимофеем. Видный был мужик, глаза хитрые и всегда прищуренные. Жена его на Некрасовской жила, а потом устроилась к нам на мельницу, к нему поближе. Расставит он эсков по местам, а сам идет на клумбу загорать. «И пусть они меня не беспокоят», – говорил, важный такой.

Но не всегда с эсками мирно было. Нас после работы еще дополнительно выгоняли уголь разгружать для станции. Это самая тяжелая работа была, особенно зимой мы мучались, когда уголь смерзался. Нам говорили: «Вот вагон угля выгрузите и пойдете спокойно домой». Мы выгружали. А куда нам деваться? А у заключенных было не так. Там одни блатные с другими часто спорили, кто должен больше выгружать. Вы выгружайте! Нет, мы не будем! Вы сами разгружайте! Потом лопатами друг друга, кирками... Одному эску так при мне полголовы снесли.

Все было. Карточки хлебные эски подделывали и пытались нам же на станции продавать. Но я не брал.

Территорию станции охраняли девчонки-часовые, украинки из 62-го военизированного полка. Здесь же, на Вилоновской, их казармы были. Один заключенный как-то решил сбежать, подкрался к охраннице, фуфайку ей на голову набросил сзади и стал винтовку отнимать. Она не отдавала, а он винтовку вырвал и ударил часовую ее же штыком. Кровищи было! Винтовку перебросил через забор к трансформаторам под ток, а сам – в Волгу, где как раз плот сплавляли. Он до плота доплыл, по нему побежал, потом переплыл на другой плот и так до Рождество добрался. Его только на другой день там где-то поймали.

Фашисты

Пленных немцев нам на ГРЭС уже в 45 году привели. Их человек 8 было, лет по 25. Тележку с золой на берег отвезут, у ворот сядут и загорают. Один на губной гармошке играл. А иногда они и в карты играли. Ненависти какой-то у нас к ним не было. Нормальные с ними отношения были. Мы с ребятами иногда в обед на Волге купались. Где уголь ссыпают, там получают канавы, в них вода прогревалась быстрее, вот мы там в обед и плескались. Немец спрашивает: «Эй, с вами купаться можно?» Давай! Почему нет? И они рядом с нами купались. И вот мы как-то сидели, а один из немцев вдруг вскакивает и орет: «Моя! Я хозяин! Я на такой ходил!» А по Волге трофейный катер-самоходка идет. Мы говорим: «Нет, это теперь наша! Теперь будет здесь до конца жизни».

Кормежка

В столовой ГРЭС в войну нам давали бурду, прямо скажем. Лебеду иногда варили в щах. Мороженую картошку для щей повара ведрами в кипяток бросали прямо в кожуре. Потом она за минуту чуть оттаивала, они ее доставали и чистили. На второе нам давали вареный овес. А он не чищенный почти был, ешь и только отплевываешься от шелухи. Однажды ребята взбунтовались, директора столовой подняли и бросили в окно выдачи пищи. Ты, мол, нас голодом моришь, а начальству лучше еду даешь. Приезжала милиция, двоих-троих зачинщиков наказала. Начальники цехов, правда, чуть лучше нас питались. Ими пшенную кашу давали и картофельное пюре. У друга Сережки мать там уборщицей работала, иногда нам мисочку пшенки или ячневой оттуда приносила. Нам за счастье было.

29 нояб.	29 нояб.	29 нояб.	30 нояб.	30 нояб.	30 нояб.	КАРТОЧКА НА ХЛЕБ НА НОЯБРЬ 1941 г.										26 нояб.	26 нояб.	26 нояб.
хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	НОРМА 800 ГР. В ДЕНЬ										хлеб	хлеб	хлеб
600 гр	100 гр	100 гр	600 гр	100 гр	100 гр	ФАМИЛИЯ _____ ИМЯ _____ ОТЧЕСТВО _____										600 гр	100 гр	100 гр
27 нояб.	27 нояб.	27 нояб.	28 нояб.	28 нояб.	28 нояб.	ПРИ УТЕРЕ КАРТОЧКА НЕ ВОЗОБНОВЛЯЕТСЯ										25 нояб.	25 нояб.	25 нояб.
хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб											хлеб	хлеб	хлеб
600 гр	100 гр	100 гр	600 гр	100 гр	100 гр											600 гр	100 гр	100 гр
24 нояб.	24 нояб.	24 нояб.	23 нояб.	23 нояб.	23 нояб.	22 нояб.	22 нояб.	22 нояб.	21 нояб.	21 нояб.	21 нояб.	20 нояб.	20 нояб.	20 нояб.	19 нояб.	19 нояб.	19 нояб.	19 нояб.
хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб
600 гр	100 гр	100 гр	600 гр	100 гр	100 гр	600 гр	100 гр	100 гр	600 гр	100 гр	100 гр	600 гр	100 гр	100 гр	600 гр	100 гр	100 гр	100 гр
18 нояб.	18 нояб.	18 нояб.	17 нояб.	17 нояб.	17 нояб.	16 нояб.	16 нояб.	16 нояб.	15 нояб.	15 нояб.	15 нояб.	14 нояб.	14 нояб.	14 нояб.	13 нояб.	13 нояб.	13 нояб.	13 нояб.
хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб
600 гр	100 гр	100 гр	600 гр	100 гр	100 гр	600 гр	100 гр	100 гр	600 гр	100 гр	100 гр	600 гр	100 гр	100 гр	600 гр	100 гр	100 гр	100 гр
12 нояб.	12 нояб.	12 нояб.	11 нояб.	11 нояб.	11 нояб.	10 нояб.	10 нояб.	10 нояб.	9 нояб.	9 нояб.	9 нояб.	8 нояб.	8 нояб.	8 нояб.	7 нояб.	7 нояб.	7 нояб.	7 нояб.
хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб
600 гр	100 гр	100 гр	600 гр	100 гр	100 гр	600 гр	100 гр	100 гр	600 гр	100 гр	100 гр	600 гр	100 гр	100 гр	600 гр	100 гр	100 гр	100 гр
6 нояб.	6 нояб.	6 нояб.	5 нояб.	5 нояб.	5 нояб.	4 нояб.	4 нояб.	4 нояб.	3 нояб.	3 нояб.	3 нояб.	2 нояб.	2 нояб.	2 нояб.	1 нояб.	1 нояб.	1 нояб.	1 нояб.
хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб
600 гр	100 гр	100 гр	600 гр	100 гр	100 гр	600 гр	100 гр	100 гр	600 гр	100 гр	100 гр	600 гр	100 гр	100 гр	600 гр	100 гр	100 гр	100 гр

**Хлебные карточки, которые до сих пор хранятся
у Петра Степановича**

А вот с хлебом на ГРЭС было вполне терпимо по военным меркам. Я получал килограммовую хлебную карточку и еще дополнительно, как передовик. Однажды мы с Серегой шли со смены, а нас на пекарне пригласили дрова поколоть. До сих пор помню, как краюху горячую ароматную под фуфайкой нес, отламывал кусочки и ел. Еще случалось после работы подработать на Жигулевском комбинате. У них же своих слесарей и сварщиков не было. Можно сказать, что нас на выходе со станции их главный инженер отлавливал, а платил нам, естественно, пивом. Однажды было дело, что даже в цех нам бочку пива поставили, но не обошлось без злоупотреблений, и это дело сразу пресекли.

Почти каждый вечер после работы на ГРЭС я ходил в филармонию или оперный театр. Только там в буфетах свободно можно было купить булочку с сыром или колбасой. Билет на галерку стоил полтора рубля, пирожное 3 рубля, булочка с колбасой – 6 или 10 рублей. Возьмешь еще бутылку сидра, сидишь тихонечко, слушаешь оперетту и ешь. Во время войны этим спасались. Михайлова, Норцева, Большакова, Барсову – всех

их я смотрел, и все оперы и оперетты по тысяче раз. Я же в войну по 900 рублей зарабатывал, а иногда до 1200, если премию давали, а семьи пока не было. Мог себе позволить лакомство в виде булки с колбасой.

Культурный досуг

Помимо филармонии и оперного театра мы, конечно, ходили с девчонками в кино и на танцы. Танцевали мы в Дзержинке и клубе Швейников (сегодня театр «Камерная сцена», Некрасовская, 37). Очень популярны были пластинки Утесова. Под «Моя Марусечка» танцевали. Был такой быстрый фокстрот «Линда», когда танцуете, а потом разворачиваетесь и с девчонкой хлопаетесь задами. Вальсы тоже танцевали. Многие из моих друзей еще играли в духовых оркестрах.

Новости мы узнавали в основном по радио. Дома черная тарелка громкоговорителя у всех была, ну а идешь на работу – тоже слушаешь сводки информбюро о положении на фронте из уличных репродукторов. Еще у нас рядом с домом был стенд, где вывешивалась «Правда». Про подвиги Александра Матросова и Тани (Зои Космодемьянской) я из газет узнал.

Знаете, в начале войны всех обязали сдать не только велосипеды, но и радиоприемники. Их принимали на пересечении Молодогвардейской и переулка Специалистов. Сдать велели, а не объяснили почему. Мы подумали, что, может, для армии надо, приказы передавать. А у меня был приятель радиолюбитель, который однажды зашел ко мне и говорит: «А у меня приемник есть. Послушаем музыку?». А мы с братом в сарае жили во дворе. Нас же в войну уплотнили, в комнате стало 6 человек, ну мы и ушли в сарайчик, нары сделали себе, свет провели. «Давай слушаем», – говорим. Вклю-

чили, поймали Би-би-си, а потом Анкару. А из Анкары передают песни Петра Лещенко. Красота! Сидим в сарае, слушаем, дураки малолетние. Мы же не знали, что власть приемники собрала, чтобы мы иностранной пропаганды не слышали. Через час примерно – звук приближающегося мотора. Заходит один в кожанке, другой в гражданской одежде.

– Вы что тут делаете?

– Музыку слушаем. Хорошая музыка! А еще Би-би-си поймали, товарищ офицер.

Дураки, хвалимся.

– Веселитесь, значит? Ребята, если бы вы взрослее были, мы бы с вами иначе поговорили. Есть распоряжение, что запрещено слушать зарубежные радиостанции. Погрузите приемник к нам в машину и больше так не делайте.

Бандитизм

В войну бандитизм в Куйбышеве сильно вырос. Вот у нас рядом с ГРЭС Рабочий городок был – шпана на шпане. У нас там одного парня из электроцеха на танцах в клубе ГРЭС зарезали. Ну там часто драки были и все такое. Вообще ограбления были часто. Раздевали людей вечером на улицах. Склады продуктовые грабили у железной дороги, магазины. Пару раз я заходил послушать в суд, как бандитов судили. Одну девушку там при мне судили, которую я до этого несколько раз на танцах видел. Там она культурная всегда была, а потом они милиционера убили, который хотел их документы проверить.

Опасный район был на берегу Волги от Венцека и до Пионерской. Там стояли палатки с матросами, эвакуированными на переформирование из Черноморско-

го флота. Их там в новые экипажи, что ли, объединяли. Вот там очень опасно было ходить. Пьяная матросня и с оружием! Один раз попался я пьяному такому офицеру на дороге. Он с девкой шел. Он меня цап: «Ты кто такой? Ты самарский жулик?! Ты меня ограбить хочешь!» Вынимает пистолет. Хорошо, что эта его повисла у него на руке и заставила пистолет убрать.

Военные секреты

Вот никто не знал про бункер Сталина, а мы первые с Сережкой знали, что бункер строят. Идем мы как-то на смену и видим, что на спуске под драмтеатром – проход внутрь, а из него по транспортеру земля загружается в полуторки. А на специальных стойках сбоку от транспортной ленты девчонки стоят и железными крюками железки, камни, кости из этой земли выбрасывают. «Эй, ребята, – кричат нам, – вы чего вечером делаете? Пригласите нас в кино!» Ну а почему не пригласить? «Ладно, – говорим, – вечером пойдем с работы, за вами зайдем». Познакомились: я, Сережка, Димка, Николай Полешиков и эти девчонки, метростроевки-москвички. Мы с ними на танцы ходили, в кино «Триумф», а они сигаретами «Памир» и папиросами «Красная звездочка» нас угощали. Я, правда, не курил. А когда они уезжали, то сказали, что строили убежище для правительства. Фамилию Сталин они нам, правда, не сказали, этого не было. В общем, мы знали о бункере, но лишнего не болтали. А там, где главный вход в бункер, в войну стоял из досок типа сарая, а в нем тоже была конвейерная лента. Грунт из котлована увозили на набережную и высыпали в районе Венцека. Там потом весь берег был в кучах земли. Машины же не ровно его высыпали и не разравнивали.

Иностранцы в Куйбышеве

Мы, конечно, видели, что в Куйбышев правительство эвакуировали. Дом, где дочка Сталина жила, я знаю, но как-то нам в войну не до них всех было. Недалеко от нашего дома было польское посольство, к ним наши ребята подходили поинтересоваться, а поляки им сигареты давали. Девчонки к ним тоже иногда подходили, а те им чулки фильдеперсовые дарили. Не было чулок в Куйбышеве.

Однажды поехали мы с братом на лодке на рыбалку в Татьянку. Рыбачим спокойно, подъезжает не наша, а какая-то иностранная машина: черная, богатая. Выходят из нее два японца, а у одного такие ботинки, зашнурованные до колен. К нам они подошли, говорят по-японски: «Мол, как ловится?» Ну что мы им в ответ скажем? Мы ж японского не знаем. Они нами сигареты суют, а мы отказываемся. Мы ж не курим. Они тогда достают такой мешочек, а из него чудо-удочку. Это спиннинг был. Мы спиннинг с братом первый раз в жизни видели. Забросил японец пару раз и вытащил судака. Поймал, кричит, радуется, с другим советуется, съедобная рыба или нет. Дальше мы уже не видели, к нам из кустов подошел такой в штатском «тихушник», как мы их называли, и говорит: «Идите, ребята, в другое место рыбачить, чтобы не было неприятностей». Ну мы и ушли.

День Победы

Я со смены пришел, сплю, приемник выключен, чтобы не мешал. Окно открыто было. Меленький дождик идет. Тут во двор друг Женька пришел и кричит моему отцу:

– Как там Петька?

– А что такое?

– Так войне конец!

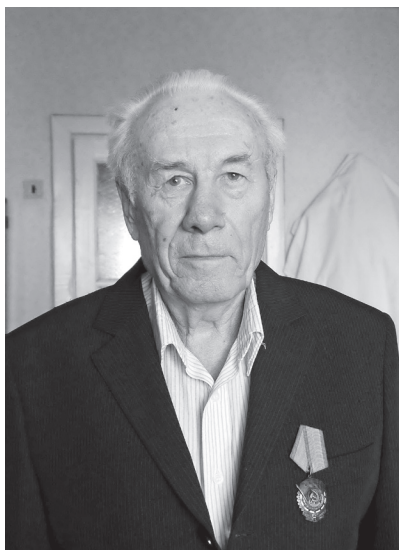
Мы сразу побежали к филармонии. А там уже все пляшут, поют. Трамваи встали и где-то до 3 часов дня не ходили. Народ кричит: «Ура! Мы победили!» У кого в руках гармошка, у кого – балалайка. Кто на чем мог играл.

Ненашев Сергей Алексеевич

В энергетике случайно, но на всю жизнь

Я все ждал, что он может вернуться

Мы до войны с мамой и отцом жили хорошо. Отец, Алексей Павлович Ненашев, работал прорабом в Водоканале и был там на очень хорошем счету. В 1937 году нам даже руководство выделило квартиру, которая раньше принадлежала директору Водоканала. Посадили директора, а у нас, единственных во дворе, появилась квартира с туалетом и ванной. Это был двор на Чапаевской улице, где все водоканальские жили. Отец у меня был работающий, после смены не ленился на частные заказы ходить, а поэтому у нас было все: велосипед, патефон, разная вкусная еда... Помню, что копченую рыбу нам ящиками с рыбокомбината привозили. Отец был очень хлебосольным человеком, любил гостей, у нас часто собирались родственники.

В воскресенье 22 июня 1941 года у отца тоже была подработка, и он взял меня с собой тянуть водопровод на чьей-то даче на поляне Фрунзе (Барбошина поляна).

Мы там провели весь день, а на обратном пути встретили мужика, который сказал нам, что началась война с Германией. Приехали домой на трамвае, а у нас уже собралась вся родня. Взрослые много говорили, печалились, долго не расходились. Это я запомнил.

Отцу было 36 лет, но он все равно пошел на войну добровольцем. Не только дело в том, что он патриотичный был, но еще и семейные обстоятельства, очевидно, наложились. Мать приревновала, они поссорились, и он ушел на фронт. В августе 41 он ушел, а в феврале 42 пришло от него последнее письмо из-под Воронежа. Но до конца войны нам так и не сообщали, что он погиб. Я все ждал, что он может вернуться.

Тыловое детство

С началом войны и уходом отца сразу все изменилось. К нам в квартиру подселили эвакуированную НКВДшницу с дочерью. Соседка была не подарок: пьянствовала, мужиков водила. Натерпелись мы с ней. Маму вскоре мобилизовали на 18-й авиационный завод, каждый день она ездила на Безымянку. А там станки в корпусах стояли, а крыши еще не было. Одни стропила были. Так под открытым небом на холоде и работала. А эки, которые завод строили, они ушлые были. На стропила сядут в засаду, и если человек зазеваается у станка, то сверху крючок тихонечко опускают – и хватить его пожитки, например еду или еще что. А как у них потом отберешь, если ты одинокая женщина?! Здоровье матери быстро ухудшилось, и ее вскоре с завода уволили. Стала она вахтером в строительном институте, а там совсем маленький паек был. Нам не хватало. С учебой тоже стало тяжело. Я шесть школ поменял с начала войны. Только начнем учиться, школу

забирают под госпиталь или еще какое учреждение, и нас переводят в другое здание.

Не могу сказать, что уж совсем было все плохо в Куйбышеве во время войны. Мы в футбол с пацанами во дворе все-таки продолжали играть. Вся жизнь после школы в футболе была. Но нужно было осторожно бить. Шибанешь слишком сильно, мяч через сараи перелетает и аккуратно на второй этаж в окно к одному вредному деду. Он, гад, сразу ножиком мяч прокалывает и кидает обратно. Поиграйте, мол, теперь, хулиганье! Он часовщик был. Мы ему кричим: «Сволочь!» Ну а что дальше делать? А дальше надо весь день мяч клеить. В общем, осторожнее надо было в его сторону бить. Однажды мы не накачали мяч, а плотно набили его сеном. Запиннули мяч ему в окно, он ножиком его бац, бац, бац. А мяч не сдувается!

На велосипеде тоже гоняли. Как-то у меня знакомый один взял его покататься на площади Куйбышева и уехал, не вернул. Но я знал, где он жил. Дошел до него. «Ты что делаешь, – говорю, – гад!» Чуть не подрались с ним. А потом всю жизнь дружили. Семьями друг к другу в гости ходили.

По-настоящему страшно мне в войну было только один раз, когда зенитная батарея, которая стояла на площади Куйбышева, засекла гитлеровский самолет-разведчик и стала по нему бить. Грохот стоял страшный! Осколки снарядов падали к нам во двор. Пробили крышу дома в нескольких местах. Больше в войну как-то страшно особо не было. А вот тяжело было. Например, было тяжело с матерью огород обрабатывать, который у нас был в Зубчаниновке. Поезд раз в день туда ходил, а от него еще до огорода идти и идти. А потом надо еще оттуда все на себе вывезти, что вырастишь. Мать много носить не могла, приходилось мне на себе все тащить. Спина трещит, а идти с мешком надо.

Ящики под ноги ставили

Как-то летом в 1943 году иду по улице, а мне навстречу знакомые мальчишки:

– Вы куда?

– Мы по повестке идем поступать в 14 реальное училище на энергетиков. Айда с нами, Серый, там и форму дадут, и в столовке бесплатно кормят!

– Ну, ладно, пойдем.

Так я случайно пошел учиться на энергетика, а получилось так, что всю жизнь до пенсии на ГРЭС и проработал. И даже орден Трудового Красного знамени за свой труд получил. Форму нам действительно в ремесленном выдали. Ее на два года выдавали. И действительно бесплатно кормили 3 раза в день. Не ахти какие харчи, но в войну это было огромное дело. Еще и карточки на хлеб я стал получать, и даже больную мать смог как-то подкармливать. Вскоре начали нас приводить на практику на электростанцию. Интересно, что нас там обучали вместе с теми взрослыми парнями, которых специально на ГРЭС отправили с военкоматов вместо фронта, так как персонала на станции не хватало. Некому было работать. В ремонтном цехе ГРЭС в войну мины делали, так там даже и тринадцатилетние мальчишки работали. Они ящики себе под ноги ставили, чтобы до станка доставать. Ну и нам пришлось поработать. Самое тяжелое – это было уголь смерзшийся из вагона выгружать. Просто лопатой эту глыбу не возьмешь. Берешь лом и кувалду и несколько часов выдалбливаешь куски смерзшегося угля. Очень тяжелая работа, а тебе в это время только 15 лет.

Еще в войну нас из училища на страшную работу хотели отправить в Сталинград. Там нужно было подбитую технику растаскивать. Нам старшие ребята рас-

**Группа учащихся Ремесленного энергетического училища № 14.
Сергей Ненашев за правым плечом мастера**

сказывали, которые туда уже ездили, что в сгоревших танках так и лежат танкисты, и это очень тяжело морально. Но как-то до нас очередь на расчистку Сталинграда так и не дошла.

Пономарева Любовь Яковлевна

Что вспоминается

Голод

Одно из самых ранних моих воспоминаний связано с голодом, который был в Поволжье в начале 20-х годов. Я была в семье самой младшей, у меня был брат Петр и две сестры – Вера и Тоня. Они получали хлеб и дома взвешивали его на больших таких громыхающих весах, чтобы были порции одинаковые. А если я видела, что неровные получаются куски, то кричала: «Тонька, Тонька, ты себе больше взяла!» Ну как они могли точно взвесить хлеб на этих огромных весах? Да и не надо это было, понятно, что я маленькая была, мне меньше нужно было хлеба давать.

Нам повезло, меня подкармливали американцы (ARA), которые привозили в Россию продовольственную помощь. У них была столовая где-то у Троицкого рынка. Они не всех брали. Смотрели кто похудее – того ставили в начало очереди, а кто более-менее – тех отодвигали. Меня пускали в столовую, чтобы я ела. А брат мой Петя был на 4 года был старше, его уже в

Люба Пономарева в 1925 году. Удачное фото повесил на свою витрину владелец фотомастерской

столовую не пускали. Но у нас был завинчивающийся судок в форме яйца, мне американцы давали еду, а я тайком ее выносила. А брат ждал, когда я приду, мы делили эту порцию, и Петр ее тоже ел. Но это все быстро кончилось.

Вообще мы довольно бедно жили до войны. Я мечтала с первой зарплаты купить килограмм конфет-пудингов.

Про хорошее

Папа мой был настройщиком инструментов, мы жили на Самарской улице. На Рождество покупал елку, они ночью со старшими сестрами вешали на нее игрушки и клали под елку маленькие яблочки. Тогда

их называли «крымские яблочки», их из Крыма привозили. Яблочки очень красиво висели на елке и были разложены под ней. Это было еще до того, как разрешили праздновать Новый год. Еще у нас на Рождество обязательно стоял на столе окорок. Кто приходил нас поздравить, отрезал себе от него кусочек и выпивал рюмочку вина.

Во дворе у нас было много детей. Мы показывали друг другу представления и играли в кулюкушки. Так тогда в Самаре называли игру в прятки. Я любила читать, у меня старшая сестра закончила женскую прогимназию до революции. Я до сих пор помню стихи из ее книг, например, Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный, Лермонтова «Выхожу один я на дорогу». Помню из детства и хулиганский акростих «Жасмин – хорошенький цветочек, Он пахнет очень хорошо. Понюхай, миленький дружок, А в руки не бери его».

Я была секретарем школьной комсомольской организации. Моя фотография висела на доске почета в районном отделе образования. Первый раз на занятиях по военной подготовке мне страшно было взять в руки винтовку и промазать по мишени. Почему-то сказала: «Давайте мне две монетки. Я их собью или нет?» Мне поставили, и я их бац – и сбила! Мне говорят: «Ты врешь, ты умеешь стрелять, ты не первый раз берешь винтовку». Но меня эти военные сразу зауважали. Всех отправляли тренироваться разбирать оружие, а меня не трогали. Если так хорошо знаю ружье, что зачем меня учить? А теперь не вижу ничего.

Купаться мы ходили на Волгу и на Самарку. На Самарке была теплее вода. В театр «Олимп» с девчонками ходили несколько раз бесплатно. Наших мальчишек брали туда на массовку изображать народ, ну мы вместе с ними бесплатно проходили без билета. На первое мая мы делали целые шествия по Куйбышевской улице.

Фото комсорга школы
Любы Пономаревой
с доски почета РОНО

Однажды я на каком-то автомобиле стояла. Видимо, эффектно было.

В студенчестве мы ездили в Уральскую кругосветку. Очень понравилось, но чуть не утонули однажды, когда наши лодки столкнулись с затором сплаваемого леса. Сплавщики наши лодки баграми держали, а мы выпрыгивали к ним на плоты, а то бы нас с лодкой затянуло под бревна. Приключение было! До сих пор вспоминаю.

Про плохое

Помню, как храм (кафедральный собор Самары) взрывали. Я была на даче на Сорокиных хуторах, там было слышно, как его взрывали. Сволочи! Такое

Предвоенный пикник на берегу Волги

было здание красивое! Но мы ведь «молодцы», нам надо все снести!

Ужасны все эти посадки. Люди просто пропадали, никто ничего не знал. Так семью Шулевицких ночью взяли из нашего двора. Они просто пропали. Мы же не знали, что их возьмут. Две-три семьи из нашего двора забрали, и больше мы их не видели. Из комитета комсомола забирали ребят, когда я в индустриальном институте училась. Папу моего забирали, но тут же отпустили. Оказалось, что другой настройщик написал на папу донос, потому что к папе больше клиентов ходило.

Сталина я и тогда уже терпеть не могла, ненавидела, хотя у меня никто и не пострадал тогда и никто меня этому не учил. Может быть, чутье какое-то у меня было.

Л. Пономарева на сельскохозяйственных работах

Трудовой фронт

Я закончила индустриальный институт. После него вначале меня распределили в Новосибирск, а 1943 году я начала работать кочегаром на Куйбышевской ГРЭС. В моем ведении было пять котлов, но работали в основном три из них, а остальные были старыми. Нужно было следить за приборами, приходилось много ходить. Смена была 12 часов, надо было все котлы облазить. Работа на ГРЭС считалась в целом неплохой. Тяжелой, но норма выдачи хлеба была больше, чем много где еще. Столовая еще была через дорогу, где нам давали болтушку из крупы и картофеля. Сейчас я ее, конечно, есть бы не стала, а тогда была ей рада. У нас был очень хороший мастер по фамилии Меняйленко, он и в горячий котел для ремонта мог войти, и нас очень поддерживал. Еще помню, что однажды у меня на ГРЭС своровали рабочий костюм, который мне для работы у котла сшила мама. Долго не крали, жалели меня, но потом все-таки утащили. Не у одной меня воровали одежду на станции. А в выходные нас направляли в колхоз на помощь, картошку рыть или еще чего. Вместо отдыха. Но это было легче, чем у котла стоять.

В День Победы я была на работе. Мы все радовались, прыгали от счастья, а потом я сразу уволилась с электростанции. Мне нужно было съездить в Новосибирск к мужу, а мне не давали разрешения оставить ГРЭС во время войны. Только после победы смогла уехать к нему.

После войны меня отправляли в командировку в Молдавию и Румынию смотреть, где валяется трофейное или наше вывезенное энергетическое оборудование, которое можно применять на электростанциях. Поскольку задание было фактически военным, то мне

на время командировки присвоили звание капитана и дали шинель с капитанскими погонами. Так я неожиданно для себя сделала мгновенную военную карьеру. Но ничего подходящего я на этих складах трофеев не нашла, только небольшое количество лампочек. Да еще орехов для сына привезла. А из моей капитанской шинели мама сшила ему пальтишко.

Свистунов Владимир Степанович

Сын врага народа

Я жил на ГРЭС

Мой отец Степан Антонович работал прорабом в куйбышевском отделении «Центроэлектромонтажа», а в Куйбышевском энергокомбинате у него были друзья, которые помогли меня устроить после 7 класса на ГРЭС учеником электромонтера. В 8 класс я уже не пошел. Мне было 17 лет, и очень хорошо, что я вовремя попал на ГРЭС, потому что уже 1 августа 1941 года отца арестова-

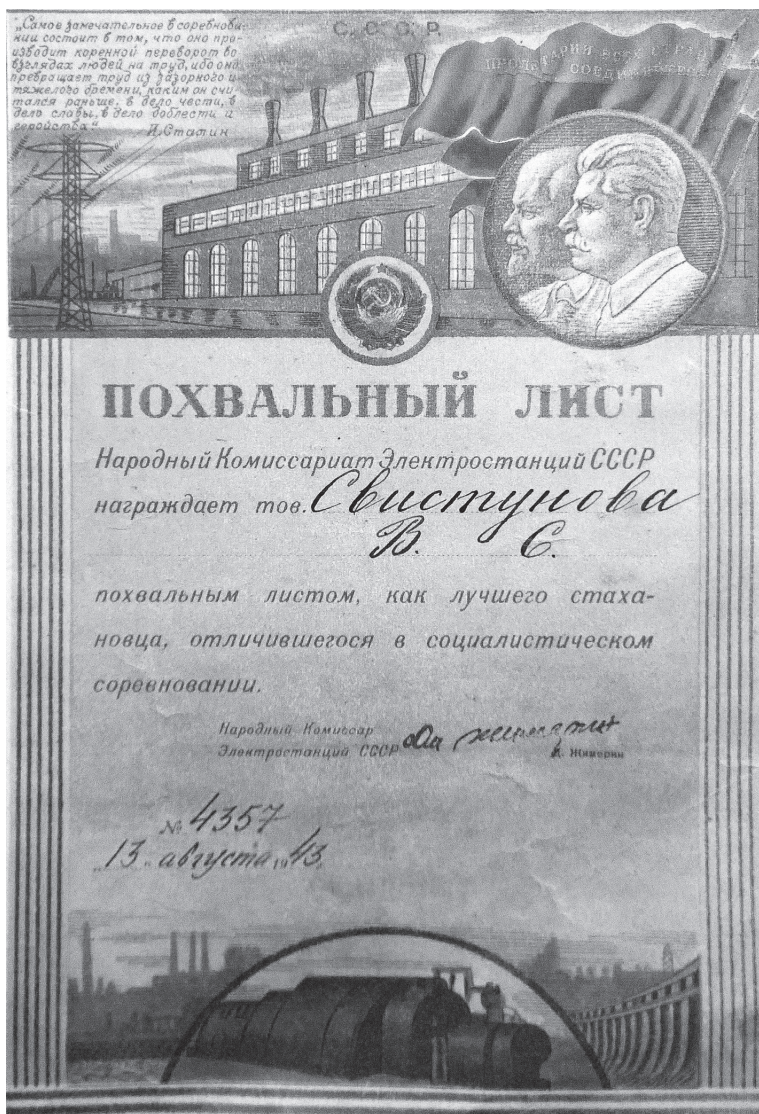
ли, как врага народа, и кормить меня стало некому. Во время одного застолья с товарищами отец сказал, что наши неудачи на войне связаны с тем, что в момент нападения гитлеровцев весь наш командный состав был в отпуске. Еще он сказал, что колхозы организованы так, что не смогут нормально обеспечить армию продовольствием. Кто-то из компании донес, и ночью к нам пришли из НКВД. Устроили обыск, отца увезли в «воронке». Судебное заседание длилось буквально несколько минут. Все было судье заранее понятно. После суда я видел отца последний раз. За разговоры ему дали

8 лет по 58 статье, но он так и сгинул. Мне всю жизнь приходилось скрывать, что я из семьи «врага народа». После войны я вновь пошел в школу, а потом трижды пытался учиться в разных институтах. Но из-за того, что я сын «врага народа», получить высшее образование мне так и не дали. Папу амнистировали в 1990 году, места и даты его гибели узнать не удалось.

На ГРЭС я довольно быстро выучился на электромонтера, дошел до высшего 8 разряда. Стал лучшим – мне дали бригаду. Чинил оборудование в разных цехах и на щите управления. Можно сказать, что в войну я жил на ГРЭС. Только придешь с работы в общежитие в ГРЭСовский дом, а там опять по телефону дежурный диспетчер вызывает на станцию бежать-чинить. Отказаться и сказать, что устал, было нельзя – военная обстановка. Вся центральная часть Куйбышева получала ток от ГРЭС, все правительственные учреждения и посольства тоже. Если днем не успеваем починить, то и ночь работаем. Это в порядке вещей было. У меня мастером в цехе был Колесов Всеволод Александрович.

Диверсия перед парадом

Понятно, что работа станции имела большое стратегическое значение в войну. У нас на крыше ГРЭС даже стояла пара зениток для защиты от возможных налетов. Естественно, что на щите управления электростанции всегда дежурили часовые. Курьезный случай был у нас однажды с секретностью. Чтобы немецкие летчики не могли ориентироваться по дымовым трубам ГРЭС, в начале войны их верхние части сняли. Трубы на ГРЭС ведь металлические, можно было довольно просто их укоротить. Но если труба короче, то и дым опускается ближе. Перед тем самым легендар-

Похвальный лист В.С. Свистунова, август 1943 г.

СНХ СССР

Удостоверение об отсрочке от призыва по мобилизации № 1/208

(Действительно только при предъявлении военного билета)

Выдано военнообязанному Свистунову
Владимиру Спасаевичу
работающему Куйбышевская ГРЭС
в должности электромонтера разряда 6
в том, что ему на основании Постановления ГОКО,
СНХ СССР, Комиссии при СНХ СССР по отсрочкам
от 22.01.1942 1942 г. за № 2457
Предоставлена отсрочка от призыва по мобилизации
на срок до 31 декабря 1942 года.

Учетные признаки:

Год рождения 425 Группа учета Кко
Состав 1-й разряд ВУС № 133
В. Свистунов Военный комиссар
Марков Военный комиссар
М. п. Камышин
Срок действия удостоверения об отсрочке продлен до
марта 1944 года.
Основание: Постановление комиссии
при СНХ от 27.12.42 № 210
Военный комиссар
М. п. Камышин

М. П.

Бронь
В.С. Свистунова
от призыва в армию

ным парадом в Куйбышеве в 1941 году с Волги подул сильный ветер, и весь черный дым с угольной золой понесло на площадь. Это ж получается диверсия от ГРЭС перед самым парадом! Нашего главного инженера Константина Георгиевича Марковского чуть за это не посадили в НКВД. Они не знали, что из Нарко-

мата электростанций был приказ укоротить дымовые трубы для дезориентации авиаразведки противника. Сразу с ГРЭС быстренько собрали несколько десятков человек, включая меня, и отправили подметать площадь. Получается, можно считать, что и я организовывал тот самый парад. Кстати, ток для микрофона, в который говорил на параде Ворошилов, тоже мы на станции давали. А кто еще? А налетов на ГРЭС ни разу не было. Один раз самолет фашистский пролетал, и нас отправили в бомбоубежище, в кабельные каналы под электростанцией, но обошлось.

Про секретность в Куйбышеве мне рассказывали еще такой случай. Сотрудники одного из посольств, которые были в Куйбышеве в войну, захотели проехать на машине по Безымянке и сфотографировать на ходу какие-то секретные объекты. Наши узнали про планы этих «жуков» и поставили на путях железнодорожный состав. Иностранцы едут на машине, а параллельно им идет поезд и от фотографирования все объекты закрывает. Вроде и не запретили ехать, и сфотографировать не дали.

Доброволец

Все сотрудники нашей электростанции во время войны имели бронь от призыва. А мне очень хотелось попасть на фронт и бить фашистов. Несколько раз я просился в армию, но меня не пускали. Политика была в том, что для страны грамотный энергетик полезнее на электростанции, чем с винтовкой в окопе. Без энергии всем оборонным заводам – грош цена. И вот однажды, в декабре 1942 года, как-то так получилось, что военком, который знал, что я работаю на ГРЭС, отсутствовал на работе, и мне удалось добыть-

ся призыва в армию. Я записался в летное училище и уволился с ГРЭС. Нас погрузили в вагон и повезли до летного училища под Москву. По дороге мы пропускали составы с вооружением, войсками, ранеными и потратили на дорогу две недели. Доехали, а там нам говорят, что уже набрали курсантов, и отправили нас в другое – Вольское летно-техническое училище. Побыл я там неделю, и меня отчислили, обнаружили, что меня нужно вернуть на электростанцию. Так я и вернулся на ГРЭС. Могло сильно попасть за попытку обманом уйти в армию, но как-то обошлось. Работал дальше. Мы иногда сутками из цеха не выходили. Пока не починишь оборудование, куда идти-то? Обычное дело было.

Разные были поломки. Иногда от ветхости оборудования, иногда от нагрузки. Станция же без резерва в войну работала. Бывали и курьезные аварии. Однажды срочно вызвали восстановить энергоснабжение топливоподдачи электростанции. Оказалось, что один из сотрудников решил наловить рыбы для нашей столовой при помощи электроудочки. Голодно же было в войну. Он поставил ниже по течению Волги повара из столовой с сачком, а сам опустил в воду два провода. Ну и замкнул энергоснабжение всей топливоподдачи. Пожалели его, не сдали в НКВД. Что еще делал в войну? В госпиталь меня прикрепили чинить там электрику, если она ломалась. Раненых тоже там перегружал, если просили. Особенно тяжело было смотреть на парней, которые сразу и без рук и без ног остались.

Спортсмен и музыкант

Когда свободное время было, то я играл в духовом оркестре ГРЭС на басовой трубе. Она бени бас назы-

В.С. Свистунов в оркестре Куйбышевской ГРЭС

валась. Но это больше уже после войны было. Мы на демонстрациях всегда играли, на танцах в клубе ГРЭС. Мы и танго, и фокстроты, и марши знали. Молодые были, хулиганили в оркестре иногда. Умер у нас один начальник отдела кадров, хоронили его с оркестром, а потом, когда обратно возвращались сдавать инструменты на склад, то решили похулиганить и сыграли марш. Очень мы этого кадровика не любили. Разное начальство у нас было на ГРЭС, не только хорошее. Одного мы так и звали «обещалкиным». Что-то из строя выйдет, он нам говорит: «Почините за такой-то срок, и я вам премию дам». Всегда обманывал. Но были и хорошие мужики в начальстве.

На ГРЭС я не только работал электриком, но стал еще и председателем добровольного спортивного общества (ДСО) «Энергия». Я ведь мастер спорта по боксу был, в детстве ходил в спортшколу в подвале

Футболист ДСО
«Энергия»
В.С. Свистунов,
1946 г.

Театра оперы и балета, позже выигрывал даже всесоюзную спартакиаду ДСО «Энергия». Наша команда по лыжам и конькам ездила в Москву на всесоюзную спартакиаду энергетиков. В футбол мы часто играли на стадионе у Воскресенской площади (Самарская площадь). Я однажды после такой игры даже стих написал для стенгазеты:

*Мы памятно в футбол сыграли
досталось крепенько всем нам:
Сабане ногу поломали,
Кому-то дали по зубам.*

Жигулевская кругосветка сотрудников ГРЭС, 1949 г.

Ходили мы и в кругосветку молодежью ГРЭС. Даже статистом в оперном театре немного поработал, интересная жизнь была у нашей молодежи после работы. На ГРЭС я работал до 1949 года, а потом по комсомольской путевке поехал строить Новокуйбышевскую ТЭЦ.

Синдячкина Ирина Викторовна

Опасная учеба

В школе я хотела стать химиком, поэтому пошла на химический факультет Куйбышевского индустриального института. В приемной комиссии мне предложили поступить на специальность № 44 «Взрывчатые вещества». Дело было в 1941 году, модная специальность во время войны была, если так можно сказать. Мне дали место в общежитии факульте-

та, и до лета 1945 года я жила с девчонками на четвертом этаже химического корпуса на ул. Куйбышева, 153.

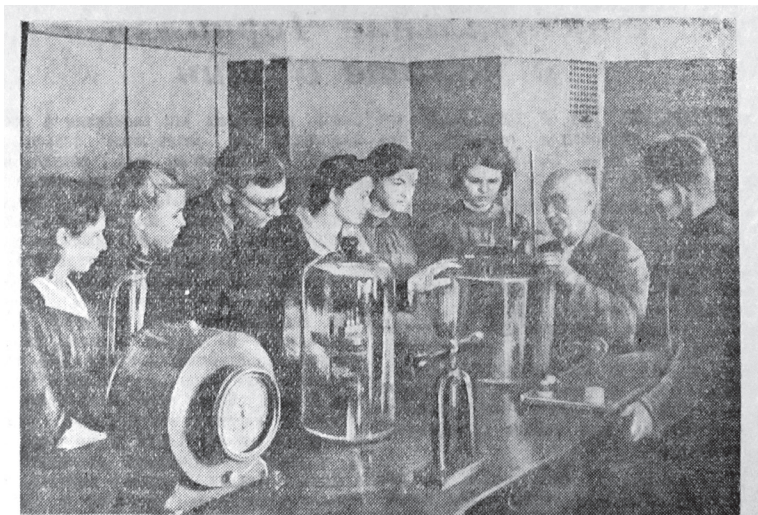
Получилось так, что на взрывной специальности учились только девчонки, а на других специальностях были и ребята. Наша комната № 33 считалась образцовой, нас очень уважали. Я всегда была активной, поэтому стала старостой. Мальчишки меня побаивались, ведь я отмечала посещаемость, а они с лекций иногда сбегали. Помню нескольких преподавателей: Козлов преподавал взрывчатые вещества, Сиднев – химию. Учились мы с соблюдением правил секретности – свои тетрадки сдавали на кафедру. В целом учеба шла хорошо, но когда меня направили на производственную практику на завод № 15 (сегодня ОАО «Полимер») в Чапаевск, то я поняла, как ошиблась. Мне было поручено

Студентки специальности 44 в январе 1944 года
(И.В. Синдякина крайняя справа в верхнем ряду)

наполнять реторты для производства взрывчатки, и там я поняла, как это опасно. У нас в гексогеновом цехе был взрыв, погиб человек. На соседних заводах тоже неоднократно были страшные взрывы, гибли люди. Взорваться могла и я. Два с половиной месяца практики в Чапаевске я работала в жутком страхе. Каждый день, когда туда уезжала, то на всякий случай навсегда прощалась с девочками.

Жили мы не очень сытно, а когда я привозила от мамы пареную свеклу и тыкву, то знаете как она шла у девчонок из комнаты?! На ура! Время было военное, но студенческое общежитие – это такое место, где не обходится без веселья. Иногда устраивались танцы. У заведующего был патефон, и мы танцевали фокстроты, танго, Рио-Риту, конечно. Был у нас и свой гармонист – красавец Анатолий Линьков. Понятно, что мы

В Куйбышевском промышленном институте начались занятия. На снимке: профессор Г. Ф. Иноре и профессор Б. Л. Сурвилло знакомят студентов-энергетиков нового приема с их будущей специальностью.

Фото А. Тихомирова.

«Волжская коммуна», 2 октября 1942 г.

с мальчишками дружили. Помню, что мы как-то даже отмечали Пасху и христосовались. А когда сообщили о победе над Германией, то наши мальчишки пошли в лабораторию и принесли оттуда спирт.

Темой моей дипломной работы была «Капсюль-детонатор, упрощенный № 1». Распределение я получила на завод № 42 (им. Масленникова), но знакомя предложила мне пойти на Безымянскую ТЭЦ, тем более что управляющий Куйбышевэнерго Михаил Ильич Матюнин был моим дипломным руководителем и меня знал. Через год я получила повестку, меня вызвали в суд, потому что я не пошла работать по распределению. Но на электростанции к тому времени меня уже знали как грамотного химика и комсомольскую активистку. В суде меня поддержал наш парторг Гаврил Евлампии-

евич Морозов. Уладили все. Так я и осталась на Безымянской ТЭЦ.

Вначале работала инженером-химиком, потом начальником смены, а потом больше 20 лет была начальником лаборатории. Переработала после пенсионного срока еще 6 лет. Отпускать не хотели, а девчонки из цеха плакали, когда я уходила. Ведь я для них всего добивалась от начальства. Если нужно было что-то для лаборатории, то шла к директору, главному инженеру и не уходила, пока мне не дадут то, о чем просила. Помимо работы, я занималась на БТЭЦ общественной деятельностью и даже ездила на Всесоюзный съезд профсоюзных деятелей энергетики. Как начала в индустриальном институте верховодить, так уже и не останавливалась. Сейчас мне 93 года, но я по-прежнему не сижу дома. Сегодня вот к соседке ходила, укол ей делала.

Сундукова Валентина Николаевна

Как строилась Безымянская ТЭЦ

Все живые?

В 1941 году я с мамой, братом и трехлетней сестрой жила в Сталиногорске, в 180 км от Москвы. Мама работала грузчицей на химкомбинате, а отец был в командировке, на монтаже электростанции в Москве. Я закончила 6 класс, перешла в седьмой, и тут началась война. У мамы подруга была – поволжская немка, мама все пыталась ее с моим дядей

поженить. Как-то мы пришли к маминой подруге в общежитие, а нам говорят – всех, кто был связан с немцами, сегодня ночью сослали.

Отца с двумя друзьями вначале мобилизовали на фронт, но сразу отозвали и отправили в Куйбышев на монтаж поверхностей нагрева второго котла Безымянской ТЭЦ. Мать осталась с тремя детьми на руках одна. В августе я с классом ездила на рытье окопов под Воронеж.

Вскоре наш Сталиногорск начали бомбить. Брат Леша дежурил на крышах, чтобы зажигательные бомбы тушить или во двор сбрасывать. Две девчонки у нас из класса от бомбежки погибли. Школу бомбы задели, главпочтамт немцы разбомбили весь. К осени стало по-

Лето 1941 г. Вскоре класс поехал копать окопы под Воронеж.
Валя Сундукова (Агеева) в кофе, рядом с учителем

нятно, что надо как-то выбираться из города. Мама хотела отвезти нас к бабушке в деревню, но до нее мы так и не доехали. Война. Мы оказались на вокзале в Ряжске, а до бабушки уже не доберешься. Что дальше делать? Надо как-то к отцу в Куйбышев. А как?

Едет состав с оборудованием и ребятами – рабочими. «Мать, забирай своих детей от платформы», – говорят. Куда я их заберу? Нам в Куйбышев надо ехать». – «В Куйбышев? Так мы как раз туда едем. Как раз на монтаж ТЭЦ. Вот сейчас тронется состав, бросай детей к нам на платформу, и поедете». А они на открытой платформе какое-то оборудование везли. Мать трехлетнюю сестренку забросила, брат залез. А я уперлась: не поеду! Это незаконно! Я ж в 7 класс уже перешла, пионеркой была, отличницей, дисциплинированная была. Ну, меня два парня за руки без разговоров взяли, раскачали и к матери на платформу забросили. А поезд уже идет. Утром проснулись мы, а нас снегом занесло. Это ж октябрь уже был. Потом эти же ребята-монтажники пустили нас в закрытый вагон, где лежали парализованные раненные с фронта. Отгородили нам угол, а раненные подползут и просят: «Пить! Пить!»

Примерно от Пензы и до Куйбышева мы ничего не ели. Нечего было. На станциях картошку продавали, но у нас денег не было вообще. Мама в голодный обморок падала, но как-то мы доехали. Заходит офицер, говорит: «Все, станция Безымянка». Мама, брат и сестра остались на вокзале, а я с монтажниками поехала на станцию. Сказали, что отец сейчас придет в столовую на обед. Сажу, жду.

Идет отец, я ему: «Папа!» Он удивился: «Ты откуда?» И еще спросил: «Все живые?»

Дали ему лошадь, телегу, мы забрали маму, брата, сестру с вокзала. Отвезли нас в зал большой прямо на Безымянской ТЭЦ со всеми приехавшими мон-

тажниками из Москвы. А потом комнату в бараке нам дали.

Одиннадцать барачников было там, где сейчас завод «Экран» стоит, а кругом поле, сарай. Дорог и города вокруг не было. Наш барак был восьмикомнатный, в одной комнате жила мать, отец и мы, трое детей. Потом еще брат привел жену. Печка была одна на 4 комнаты, но у каждой комнаты своя конфорка была. Дрова и уголь выдавали с БТЭЦ. Одна колонка водопровода была на все одиннадцать барачников.

Я сейчас думаю, что это чудо было, что нам так случайно повезло попасть на поезд в Куйбышев, и именно с монтажниками, которые ехали на Безымянскую ТЭЦ. Первую машину Безымянской станции пустили как раз в октябре 1941 года, то есть можно сказать, что я на станции с момента ее пуска.

Из школьниц – в мастера

Седьмой класс я закончила в Куйбышеве, помогала крестьянам в совхозе «Тепличный». Летом 42 года мне прислали повестку в энергетическое ремесленное училище № 14. Брат у меня ее взял и сам в училище пошел. Он был на год младше, он позже турбинистом стал тоже на Безымянской ТЭЦ. Но я учиться в школе все равно дальше не могла. В войну же была карточная система. На иждивенцев карточки хлебные давали маленькие, а надо было как-то нам кормиться.

А у нас был сосед по барачу, который работал на строительстве БТЭЦ инженером по ремонту приборов, он монтировал 3 турбину и котел. Вот он меня, мою подругу Римму и еще девчонок в ученицы позвал. Прямо после седьмого класса. Монтажники работали очень грамотные, они нас хорошо учили. Мы им вна-

Сандружинницы
Безымянской ТЭЦ.
Валя Агеева
(Сундукова) слева

чале мыли и чистили приборы, а они их налаживали и монтировали на котлы и турбины. А уже через 4 месяца я сама стала мастером 4 разряда по ремонту и монтажу теплотехнических приборов. Смена у нас длилась 12 часов. Мы и по трассам лазили, и кабели прозванивали, все мы делали, девчонки. Например, мы ремонтировали милливольтметры, регистрирующие потенциометры. Все приборы были механические, нужно было их разобрать, промыть бензином, масла накапать, детали поменять. Мы сами и детали некоторые делали, рамки проводами мотали и прочее. Нам интересно было. Нравилось. Признавали нас, и мы признавали руководителей.

Еще мы каждый час ходили записывали по трем котлам и трем турбинам температуру пара, расход, давление. Скажем, с первого котла на турбину перепад должен быть не более 5 градусов. А если не так, то ищи потери. Может, стрелочка сбилась просто. Термопара была на самом верху котла. Стоишь наверху, а котел весь под тобой ходит – вибрирует. Некоторых ребят туда было недослаться. Боялись. Котел же взорваться мог. Когда я стала мастером, то термопары ниже, на сепараторную площадку перенесла. Ртуть мы лили. Полоскали, не боялись. Играли со ртутью, не думали, что это какой-то особый яд. Вскоре мы так освоились, что уже к нам учеников, мужчин-слесарей, присылали.

На БТЭЦ тогда было много эвакуированных с Югэнерго. С Одессы, Киева приезжали... Люди свои станции перед приходом фашистов взрывали и со следами на глазах сюда эвакуировались. И женщин было много. Все турбинистки женщины у нас были. А потом начали раненые фронтовики приходить.

Комсомольская жизнь

В 1942 году я с подружками Риммой и Вале́й вступила в комсомол. Мы хотели на фронт, но нас с электростанции не пустили. Я не знаю, зачем мы так рвались на фронт. Девчонки-то. Как у комсомолки у меня была общественная нагрузка, я дежурной по цехам ходила, а после смены еще работала библиотекарем. У нас ведь в здании станции тогда была своя библиотека с художественными и техническими книгами. И не только библиотека. На первом этаже ТЭЦ у нас был магазин, где можно было отоварить карточки на хлеб, сахар и так далее. На втором были учебные классы вечерней школы, где я закончила 8, 9 и 10 классы. Преподавали у нас тоже работники станции, например, Камышников

Римма Гусева и Валя Агеева (Сундукова)

из котельного цеха вел алгебру и геометрию. А на третьем этаже у нас был устроен клуб со своим стационарным духовым оркестром и танцами. Мы стулья на сцену ставили, и в зале освобождалось место для танцев. В оркестре были только ребята, а девушки и женщины пели. Еще у нас был драматический кружок. Мы с Риммой Гусевой всегда участвовали. По субботам актив самодеятельности ездил в город на спектакли драмтеатра или оперного. Обратно добираться было сложновато. Были случаи, когда приходилось пешком возвращаться (15–18 км). А куда деваться? Мы молодые были. Идешь всю ночь, под утро придешь, а потом – на смену. Еще сад мы на ТЭЦ разбивали, потом танцплощадку отдельную построили. Хорошая жизнь была, хоть и война.

Питание

Не скажу, что в войну нам было как-то уж очень голодно. Я для того на ТЭЦ и пошла работать, чтобы получать там килограммовую хлебную карточку. А если бы в школе училась, то получала бы лишь 300 грамм. К тому же отца весной 42 года отправили в Пермь на монтаж следующей станции. Можно сказать, что в войну мы его больше не видели, а одна мать нас всех содержать бы не смогла.

На ТЭЦ мне еще дополнительное питание давали, как и всем, кто работал на капитальном ремонте. А поскольку работа по починке приборов была сдельная, то всегда можно было больше заработать и получить, как ударник труда, дополнительные карточки на хлеб. Станция старалась работников поддерживать, у нее было подсобное хозяйство, где выращивали картошку, морковь. Сарай-овощехранилище был у нас на ТЭЦ. Свинарник был и конюшня даже. У береговой

насосной Самарка весной заливала землю, там хорошо щавель рос. Не очень разнообразно, конечно, кормили в столовой. Черную перемерзшую картошку давали, но и это многим было за счастье. Помню, парень к нам пришел демобилизованный после ранения на Мамаевом кургане, он по пять порций этой картошки съедал. Такой изголодавшийся был. В зале для ИТР и дирекции получше кормили, конечно. У меня мама посудомойкой там была, нам с Риммой иногда перепадало. А в смену в столовую и не сходишь особо, она же за территорией была. Мы исхитрялись картошку и свеклу на паропроводах жарить. А вода всегда у нас была. Даже стояли в цеху баллоны, можно было выпить воды с газом.

У нас у всех были свои огороды там, где сейчас стоит завод «Экран». Картошку, морковь, свеклу, капусту – это мы все сами себе выращивали. У нас там была одна колонка на 11 барачков, вот мы огороды и поливали. Но не только овощи мы выращивали. У меня красивые вьюны росли.

Модные обновки

Девчонкам, конечно, хочется покрасивее одеваться. Тем, кто в ремесленном учился, было проще, у них форма была. Форменные береточки, юбочки... а я сама себе шила. Нам выдавали карточки на простыни, мы их красили, а потом сами шили из них платья. У подружки Риммы отец был портной, у него машинка была, а у моего отца ничего не было, кроме троих детей и электростанции. Позже на станцию стали ткани привозить. Отрез можно было получить на платье по карточкам. Начальник вызывает, говорит: «Валя, в магазине лежит отрез, бери и выкупай».

Валя Агеева
(Сундукова), 1946 г.
Эта девчонка уже
3 года отработала
на Безымянской ТЭЦ

Ботинки мне отец выменял у заключенных, которые на строительстве ТЭЦ работали. Хорошие такие, с теплыми вкладывающимися носками. А туфельки первые я себе сама купила. Продавала на рынке свой килограммовый паек хлеба, еще фуфайки и спецовки стирала. Спецовки ребята носили не так, что у каждого своя спецовка. Ты на смену приходишь – спецовку надеваешь, а потом следующий на смену приходит – ее же надевает. Хорошие такие туфельки: закрытый носок, на каблук. Месяц фуфайки стирала и свой хлеб продавала, но накопила на них.

Военная обстановка

Дисциплина на ТЭЦ была очень строгой. Опоздаешь на несколько минут – тебя судят товарищеским судом и лишают премии на полгода. Охранницы на станцию без пропуска не пускали. Это были девчата из деревни. На крыше у нас стояли зенитки для защиты с воздуха. Территория станции ночью всегда была в темноте, а на окнах висела светомаскировка. Я как комсомолка выходила и осматривала ТЭЦ, не светит ли где-то в щель свет.

Помню, что гитлеровские самолеты к станции один раз подлетали в 1943 году. Это было летом. Мы спали на улице между бараками. Мы на улицу часто вытаскивали свои матрасы. Невозможно было спать в бараке, очень много было клопов и тараканов. Девчонки, мальчишки – все старались спать на улице. И вот мы услышали звук самолетов. Я звук их самолетов по Сталиногорску помнила. Они же нас бомбили. Но тут появились наши самолеты и фашистов сразу отогнали. Так что станцию не бомбили.

Потом у нас появились пленные немцы. Они строили двухэтажные дома рядом со станцией, отопление вели. Фундамент для четвертой турбины и двух котлов тоже они делали. Никакой особой злобы у нас к ним не было. У ребят-фронтовиков, наверно, была. Может быть, нам их жалко было. Правда, как-то пузатый такой пленный один раз к нам пришел: «Хлеб надо!», а у нас одна девчонка была, ее брат Гена в 43 году погиб, она немцу сказала: «Чтоб твоей ноги здес не было!»

Когда в 45 году станцию награждали орденом Ленина и Знаменем Государственного комитета обороны, то у нас митинг был. Потом в столовой три дня гуляли все службы по очереди. У каждой был свой вечер. Шикар-

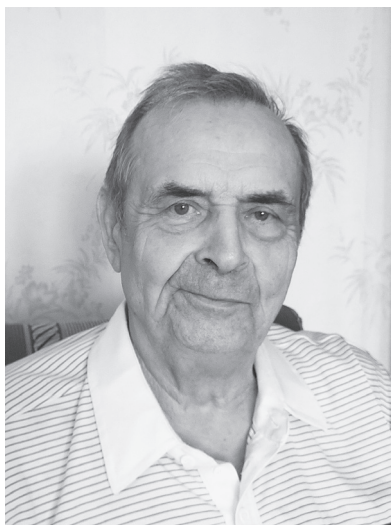
ный был праздник! Столы были накрыты хорошо. Ну а когда объявили о безоговорочной капитуляции Германии, то тоже большой праздник был.

После войны мы получили медали «За доблестный труд» с профилем Сталина. Мы, пять девчонок, надели свои медали и пошли мимо пленных мадьяров, а они нам хлопали и кричали: «Гут! Гут!». Эту медаль я очень берегу и ценю ее, как и орден Трудового красного знамени, которым меня наградили на 20-летие станции.

Титавнин Борис Александрович

Монастырские пролетарии

Борис Александрович Титавнин не работал в энергетике во время войны. Однако его детство прошло на территории женского Иверского монастыря, преобразованного в 20-е годы XX века в Рабочий городок, где жили многие сотрудники Куйбышевской ГРЭС. В бывшей трапезной монастыря был создан клуб, а кельи стали комнатами для семей работников пивзавода,

бондарной фабрики и ГРЭС. Поскольку воспоминания Бориса Александровича напрямую касаются условий быта энергетиков в 40-е годы, то они могут представлять интерес для читателей этого издания.

– Когда вы приехали в Рабочий городок?

– Я родился в 1936 году и с рождения жил там. Бывшая территория монастыря была обнесена стеной, поэтому как бы была городом в городе. 90% населения нашего района были работниками пивзавода, ГРЭС и бондарной фабрики, где делали бочки. Еще на втором этаже «бондарки», кстати, одно время делали папиросы «Казбек». Всего в городке было 20 корпусов. Мы жили в 11 корпусе. Нашей семье повезло, мы жили в коммуналке из бывших

покоев игуменьи монастыря. У нас были высокие потолки, и даже был туалет в доме, а у остальных туалеты были на улице. У всех были сараи, погреба, многие держали кур, были козы. Я жил с мамой, папой и дедом. Впрочем, в войну я почти никого, кроме деда, и не видел. Отец, Александр Петрович Титавнин, был преподавателем в индустриальном институте (ныне Самарский государственный технический университет), его мобилизовали на войну, но почти сразу отозвали с фронта и отправили руководить эсками на строительстве Безымянской ТЭЦ. Сообщения между Безымянкой и нашей частью города почти не было, поэтому во время войны папа приезжал домой на поезде на открытой платформе раз в месяц, а в остальное время был там на казарменном положении. Карточки нам привозил и уезжал обратно. Бывало, что и два месяца не приезжал. Мама, Зинаида Сергеевна, работала в госпитале, а дед был портным в Драматическом театре. Можно сказать, что в войну я жил у деда в цехе. Кстати, дед Петр Мефодьевич Титавнин не только в театре работал, но и шил фраки актеров для фильма «Кутузов» (Мосфильм, 1943 г.). Он же был портным старой школы и знал, как надо шить фраки.

– Монастырское прошлое городка как-то влияло на жизнь его обитателей, оставалось какое-то особое отношение к этому месту?

– Несколько бывших монашек жило у нас в верхней части городка. Еще помню, что мама одного из моих товарищей, Альки, была очень набожная. У них в комнате хранились штабеля икон, оставшихся от монастыря. Наверное, монашки им на сохранение иконы принесли. Но основная часть жителей нашего городка какого-то благоговения к этому месту не испытывала. Люди были простые, рабочие.

– Вы говорите о монашках, но есть легенда, что монашек Иверского монастыря чекисты после рево-

**Внешний вид и актовый зал клуба ГРЭС,
организованного в здании трапезной Иверского монастыря**

люции расстреляли или утопили в барже на середине Волги.

– Утопили на середине Волги? Волга до постройки ГЭС у Куйбышева была узкая и мелкая. Мели сплошные были. Я точно помню каких-то старых женщин, которые жили в нашем городке, про них говорили, что они бывшие монашки.

– А монастырские сокровища вы искали?

– Я был маленький в войну и по склепам лазил только для игры, а мужики действительно после работы вскрывали склепы и пытались найти там что-то ценное на продажу. Вход в галерею склепов был недалеко от трапезной. Однажды нашли офицера, на котором сохранился мундир с эполетами и сапоги. Сапоги решили снять на продажу, но вот незадача: в процессе разувания у мертвеца отломался кусок стопы и застрял в сапоге. Сапог мяти, трясли, выбивали, но поняли,

что достать не смогут, а обувь попортят. Впарили эти сапоги на пароме какой-то бабе из Рождествено. Про секрет ей не сказали, конечно. Еще было, что полезло в склеп несколько человек, а там один из них, эвакуированный, прыгнул первый, выхватил у покойника золотой крест и убежал с ним. Не захотел делиться с остальными. Те за ним бросились, но не успели догнать. Ломились в дверь, все окна побили, пытались взять дом штурмом. Но тут уже милиция вмешалась. Из одного склепа к тому времени уже вынесли 12 оцинкованных гробов, они лежали в сарае, но их тоже вскрыть не успели. Не знаю, кто там лежал. После того случая милиция все гробы вывезла, а входы в склепы засыпала. Черепа и кости так и валялись по всей территории, но кладоискательства уже не было вроде.

– Полностью замуровала?

– Лазить туда стало невозможно, но на некоторых склепах были пробиты крыши и над ними стояли туалеты. Если туалет стоит над склепом, то выгребную

яму можно было не рыть. Как-то спокойно к этому относились.

– А как же уцелел памятник нашему легендарному городскому голове Петру Алабину?

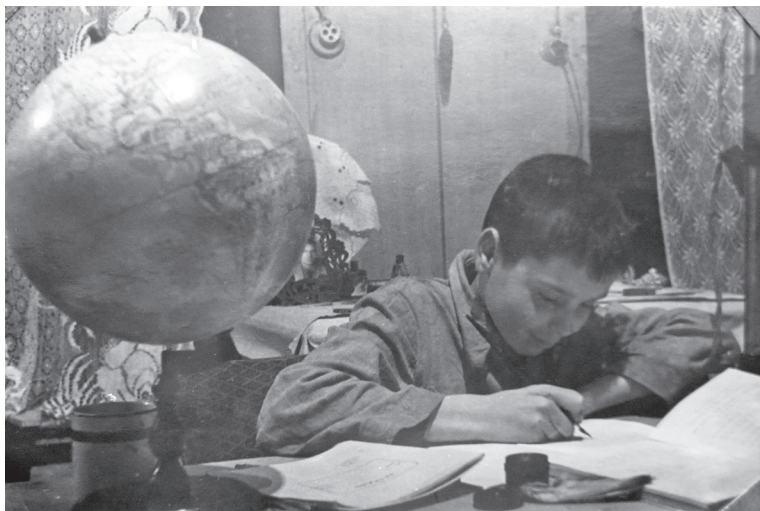
– Случайно уцелел. Когда монастырь заселяли рабочими, то никто не хотел жить между могилами. Людям нужно было ставить сараи, рыть погреба, поэтому мужчины все могильные памятники сломали, и они горой лежали со стороны Вилоновской улицы. Памятник Алабину тоже хотели снести, но его женщины отстояли, потому что он им был нужен. Кучей стали и не дали его свалить. Они за его крест привязывали веревки для сушки белья. Один конец туда, а другой к зданию бывшей трапезной монастыря, где сделали клуб ГРЭС. Этот памятник случайно и уцелел. А примерно в конце 50-х как-то гляжу: входит во двор делегация с венками. Что такое? Не бывает у нас таких людей в солидных костюмах и с цветами. Оказалось, что это болгары, которые ищут могилу Алабина. А у памятника свалка была. Сразу же прислали роту солдат, которые там все почистили, и через пару дней болгары смогли к памятнику пройти и свой венок возложить.

– Говорят, что в войну была большая дружба и взаимовыручка у людей?

– На самом деле так и было. Мой друг – мальчишка, который на первом этаже нашего корпуса жил, от голода опухал, а я его подкармливал тем, что мне родители давали. А я ведь тоже недоедал. У жильцов нашего корпуса был общий погреб и ключи от замка на его двери. Там картошка лежала, еще что-то съестное, так за войну не было случая, чтобы что-то кто-то из того погреба украл. У своих было нельзя красть, хотя и было очень голодно. При этом преступность в Куйбышеве в то время была довольно сильная. Кино про «Черную кошку» вы видели, а в Куйбышеве все было

очень похоже. Городок был разделен на три района: верхний, средний и нижний. Понятно, что иногда между районами происходили драки. Драка начиналась с пацанов, а заканчивалась взрослыми. Наш район иногда объединялся со средним против верхнего. Лежачих не били, конечно. Обычное дело было, что могли отлупить мальчишки, если ты зашел не на свою территорию. Тем более, если вообще вышел за пределы городка на Фрунзе, например, то там были свои банды. Я вам скажу, что из десятков моих товарищей по городку в итоге сели в тюрьму почти все. Трое не сидело, включая меня. В каждом доме был свой сидевший. У нас в доме надо мной жил такой блатной по кличке Мышонок, который с детства так и начал сидеть. Тетя Поля постирала шаль, повесила сушить и заснула перед ней. А он тихо снял вещь с веревки, разбудил тетю Полю и говорит: «Тетка, своровали твою шаль, видел, что на рынке ее уже продают. Давай быстро 50 рублей, я ее выкуплю». Обежал дом с 50 рублями и вернул ей шаль. Еще был в соседях такой бывший разведчик и орденоносец, который начинал хулиганить, когда напивался. Он мебель из окон выкидывал, мать свою избивал. Но он еще и был ценный котельщик для ГРЭС, так ему присудили ночью в тюрьме сидеть, которая рядом здесь была, а днем водили на электростанцию работать. Меня от тюрьмы, наверно, уберегло то, что я в детстве много времени проводил у деда в театре, а не только хулиганил на улице. Да и отец у меня был очень интеллигентный, увлекался орнитологией, фотографией, краеведением. У него был фотоаппарат с телеобъективом. Позже отец стал лучшим таксидермистом Куйбышева, а в 60-е годы помогал создавать экспозицию отдела природы нашего краеведческого музея, ездил с музейщиками в экспедиции.

– **Оружия у хулиганов вашего городка было много?**

Борис Титавнин делает домашнее задание

– С оружием в Куйбышеве после войны проблем не было. На берегу Волги от Самарки и до Красноармейского спуска была свалка металлолома из подбитого вооружения, привезенного с фронта. Там много чего было можно найти. Охраны никакой не было. Естественно, что мы доставали порох из патронов и бросали его в костер. Однажды нашли целую коробку детонаторов, там такой белый порошок был, который сильно взрывался, если его поджечь. Один мой товарищ лимонку нашел. Он неудачно выдернул чеку, хотел бросить лимонку за угол дома, но уже не успел. Сам он за углом дома уцелел, а пальцы на руке ему оторвало. Еще был знакомый хулиган-ровесник, у которого был пистолет ТТ с кобурой. Он с ним прямо по улице и ходил. Тоже потом посадили его. А самолетная свалка была за Самаркой. Когда одному глаз покалечило, то тут уже участковый вмешался и начали все оружие отбирать.

– **Очень напоминает песни Высоцкого о послевоенном детстве.**

– Ну, мы не только хулиганством занимались после школы. У нас городок ведь на спуске расположен, местность холмистая, поэтому было много горок для катания на лыжах. Вокруг всех сараев были проложены лыжни. В войну, естественно, лыжи купить было нельзя, поэтому мы делали их сами. Берешь доску примерно метровую, выстругиваешь, а потом острый конец лыжи держишь над паром. Когда дерево размякнет, то этот острый конец засовываешь под тяжелый сундук и начинаешь тихонечко загибать. Другой конец лыжи ставишь на табуретку и ждешь, пока лыжа затвердеет. Через какое-то время такие лыжи вновь выпрямлялись, естественно, ну и опять их надо гнуть.

– А палки делали?

– Палок не помню. Вроде бы без них там по горам гоняли. Самым крутым трюком было промчатся с Вилоновского спуска между пивным киоском и столбом. Бывало, что серьезно расшибались на этом трюке. Но все равно скоростные спуски на лыжах – это было главное увлечение пацанов нашего городка в военные и послевоенное время. Кто приходил к нам, удивлялись нашим лихим выкрутасам на лыжах. Ну а как не съехать с горы, с которой другие могут спуститься? Тебя же потом пацаны уважать не будут. Еще у нас были большие сани, в которые мы садились вшестером и мчались по Вилоновскому спуску от Чапаевской и до самой Волги. Последний был рулевым и рулил багром. Были и гораздо более рискованные развлечения. Во-первых, мы делали такие руляши. Сбиваете две метровые доски в форме буквы «Т» и прибиваете к ним коньки. Два задних конька прибиваются гвоздями намертво, а передний можно поворачивать деревянным рулем. Ложитесь и несетесь по горе вниз. Девочка у нас одна насмерть так расшиблась, она в машину врезалась. Но руляш был еще не очень опасный, можно было в сторону упасть. Был еще

один способ более быстрого, но опасного спуска. Приносили с завода прутки диаметром примерно 12 мм, гнули все вместе его об столб, и получалась изогнутая полумесяцем арка из двух полозьев. К полозьям приваривались маленькие площадочки для ног, а за верхнюю соединяющую часть арки вы держались, как за ручку. Получалось что-то типа стоячих саней или двух соединенных больших лыж-коньков из прутка. Ногами можно было рулить, сдвигать ноги. Эти каталки были очень быстрыми, но если вы с них падали, то летели кувырком. Ну, тут уж как повезет. Можно еще было чалить машины на коньках. Забрасываешь на кузов машины, которая идет вверх по Вилоновскому спуску, крючок с веревкой, а за веревку цепляется человека четыре. Бывало, конечно, что шоферы у нас и шапки отнимали, и «фонари» нам вешали.

– А футбол и велосипед?

– Для футбола был нужен мяч, а у нас его не было. Но можно было иногда выйти за пределы городка и отнять мяч у детей из дома на Вилоновской, где жили состоятельные семьи эвакуированных сотрудников правительства. Велосипедов в войну тоже не было. У моего отца перед войной реквизировали велосипед для военных нужд. Был такой отряд самокатчиков. Отцу выдали расписку, что после войны велосипед вернут. Действительно, нам вернули после войны три неисправных велосипеда, а мы из них смогли собрать один, на котором я потом ездил.

– Правительственных детей в школе не трогали? За это же, наверно, можно было схлопотать «врага народа»?

– У нас в классе, вроде, учился внук Калинина, не помню, чтобы мы его обижали. С темой «врагов народа» я сталкивался дважды. Один из коллег моего отца по преподаванию в индустриальном институте по фамилии Созинов проводил какую-то лабораторную со

студентами и якобы сказал, что немецкие приборы дают более точные показания, чем наши. Мол, поэтому нужно при измерениях использовать их, а не отечественные приборы, которые тоже были в лаборатории. Его за это посадили.

– А второй случай?

– Наш класс позвали на прививку, а я еще с двумя одноклассниками, как самый резвый, первым заскочил к врачам. Это еще в 65-й школе было в 1943 году. Нам троим сделали прививки, и сразу же в это помещение вошли чекисты и при нас арестовали этих врачей. Сказали, что вредители нас заразили тифом, и тут же нас отправили на конной повозке в тифозную больницу. Без сообщения родителям и прочих церемоний. Тифозная больница была на углу Самарской и Красноармейской. Там были разные палаты в зависимости от состояния больных и их температуры. Температура после прививки у меня действительно поднялась, но кто-то подсказал мне, что нужно вставлять градусник задом наперед, тогда он будет показывать меньше градусов. Иначе меня могли перевести в палату к более тяжелым больным, а уж там я точно заразился бы тифом. Через пару недель меня из больницы выкрал дед. Он спрятал меня у себя в театре, я там у него жил несколько дней. А то меня могли вернуть к тифозным больным.

– Вы жили у Волги, наверное, часто с мальчишками ходили на реку?

– Весь берег Волги в те времена был в сараях, на берегах лежали сотни деревянных лодок, стояли дебаркадеры спортивных обществ, где занимались греблей и яхтенным спортом. Лодки просто привязывали, их никто не охранял и не воровал. У нас тоже была лодка, когда стал постарше, то постоянно на ней рыбачил. Рыбы было в разы больше, чем сейчас, но с экологией было тоже не очень хорошо. На берегу стояли мазут-

Борис Титавнин на велосипеде, 1948 г.

ные баки, а у ГРЭС выкладывали битум. Если заходить купаться с берега, то приходилось позже оттираться от мазута. Волга не только нас кормила, но и согревала нас. Ведь по ней сплавляли плоты бревен, а в большей части Куйбышева было дровяное отопление. Можно было на лодке ловить оторвавшиеся от плотов бревна. Позже это делать власти запретили, но можно было поднимать топляк – бревна, которые утонули. Для этого с лодки мы в бревно, которое видно было через воду, вбивали кувалдой багор с веревкой. Потом бревно подтягивали к берегу, сушили, пилили на метровые куски, запасали себе или продавали. Такая была подработка у нашего городка.

– **Жили в вашем городке какие-то знаменитости?**

– В Струковском парке в те времена стоял цирк-шапито, и его артисты снимали комнаты у нас в город-

ке. В семье моего друга снимал чулан дуэт клоунов. Как положено, один клоун был огромный, а второй маленький. Вот однажды толстый пошел купаться на Волгу, а пока он плавал, у него своровали с берега всю одежду. А мы рядом купались. Он говорит моему другу: «Я же не могу идти домой в одних трусах, сбегай, возьми из чемодана мне одежду». Друг сбегал и принес, но ошибся чемоданами. Но клоун же – артист. Он как-то натянул до бедер брюки своего миниатюрного коллеги, даже зад не смог прикрыть. Потом набросил на плечи пиджак, надел шляпу и важной походкой пошел домой. Мы с мальчишками обхохотались от этого зрелища.

Еще у нас в городке позже снимали сериал про борьбу с контрреволюцией «Тревожные ночи Самары», но это не очень удобно было. Ты домой идешь, а пройти нельзя: там снимают, как какой-нибудь чекист с револьвером за белогвардейцем бежит.

– Ваш городок находился в самом центре жизни города, Вы видели парад 1941 года?

– Нет, этого я не видел, но мы все видели, как роют бункер для Сталина. Мы не знали, конечно, что именно там строится, нам говорили, что строят бомбоубежище. В склоне под Драмтеатром было сделано два бетонированных выхода с мощными дверями, и оттуда выезжали машины с грунтом. Это мы видели, но не удивлялись как-то. У нас же и самих под домом было бомбоубежище в бывшем монастырском погребе. В скверах площади Куйбышева во время войны стояли зенитные батареи. Однажды зенитки стреляли, а у нас от этого шума вылетали окна. Может быть, самолет-разведчик пролетал, или были учения.

– Вы сильно чувствовали войну?

– Город был все же довольно далеко от линии фронта. Я помню пленных немцев, которые копали траншею по Вилоновской для прокладки какой-то трубы. Пом-

Волейбол в Рабочем городке.
Фото предоставлено В.Н. Самарцевым

ню, вроде, что 9 мая 1945 года шел дождь, но мои друзья детства спорят со мной, говорят, что я ошибаюсь. Очень запомнился пожар, который был после войны на пивзаводе. У нас в городке говорили, что три женщины из числа заключенных, которые там работали, облили керосином и подожгли зерно, которое там сушилось и даже подперли выход, чтобы работники не смогли выйти. Работников вывели, а несколько корпусов выгорело изнутри. Горящее зерно летело с пивзавода на наш городок, и некоторые здания пожарные поливали водой. Потушили пивзавод только через два дня.

Использованная литература

- ¹ Строители гидроузла в подарок съезду // Волжская коммуна. – 1939. – 5 марта.
- ² Каковкин В. О снабжении г. Куйбышева электроэнергией // Волжская коммуна. – 1938. – 1 февраля.
- ³ Опыт скоростного строительства // Волжская коммуна. – 1939. – 16 апреля.
- ⁴ Беседа Г.А. Куманева с заместителем Председателя Совнаркома СССР и наркомом химической промышленности СССР военных лет, Героем Социалистического Труда, генерал-лейтенантом инженерно-технической службы М.Г. Первухиным 4 мая 1975 г. – URL: http://militera.lib.ru/h/kymanev_ga2/06.html.
- ⁵ Захарченко А.В., Репинецкий А.И. Строго секретно. Безымянлаг. 1940–1946. – Самара, 2007. – С. 7.
- ⁶ Шарлот В.М. На вахте огневой. – Самара, 2001. – С. 7.
- ⁷ Айзенштадт А. Ремонтники краснознаменного цеха // Волжская коммуна. – 1942. – 20 декабря.
- ⁸ Ступени роста. – Куйбышев, 1983. – С. 19.
- ⁹ Электростанции должны работать как часы // Волжская коммуна. – 1942. – 30 декабря.
- ¹⁰ Костанян К. Навести большевистский порядок на электростанциях // Волжская коммуна. – 1942. – 20 декабря.
- ¹¹ Ступени роста. – Куйбышев, 1983. – С. 19.
- ¹² Казарин В. Энергетическое сердце Самары. – Самара, 2000. – С. 110.
- ¹³ Экономить топливо и электроэнергию // Волжская коммуна. – 1942. – 6 октября.
- ¹⁴ Фельдштейн Э. Прекратить преступную растрату электроэнергии // Волжская коммуна. – 1942. – 17 октября.
- ¹⁵ Береги электроэнергию // Волжская коммуна. – 1942. – 27 октября.
- ¹⁶ Штатное расписание операционных и административных расходов базы хранения трофейного оборудования Безымянской ТЭЦ на 1945 год. – ЦГАСО. – Ф. 648. – Оп. 1. – Д. 24.
- ¹⁷ Свет и тепло людям! Энергию – заводам! Сызрань, 2002. – С. 24.
- ¹⁸ Там же. – С. 27.

Самарский филиал ПАО «Т Плюс»

Филиал «Самарский» ПАО «Т Плюс» (до июня 2015 года – Самарский филиал ОАО «Волжская ТГК») является одной из крупнейших энергосистем Поволжья. В состав предприятия входят 7 электростанций (ТЭЦ и ГРЭС), а также теплосетевые активы в Самаре (ОАО «Предприятие тепловых сетей»), в Новокуйбышевске и Тольятти (Территориальные управления по теплоснабжению – ТУТС).

Основной вид деятельности компании – производство тепловой и электрической энергии, продажа электроэнергии на оптовом рынке, теплоснабжение бытовых и промышленных потребителей.

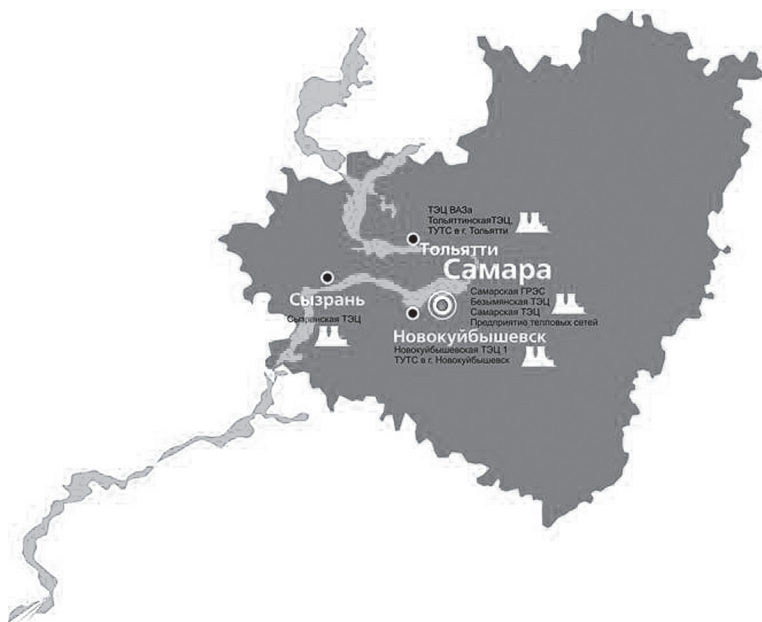
Филиал «Самарский» ПАО «Т Плюс» осуществляет стабильное тепло- и энергоснабжение бытовых и промышленных потребителей в Самаре, Новокуйбышевске, Тольятти и Сызрани.

Суммарная установленная мощность электрических станций предприятия составляет 3061 МВт и 3 606 Гкал/час. Протяженность магистральных и внутриквартальных тепловых сетей, находящихся в зоне ответственности филиала, превышает 1900 км.

В 2013 году филиал успешно завершил реализацию инвестиционной программы, предусматривавшей ввод в строй 478 МВт новых генерирующих мощностей. Строительство парогазовых и газотурбинных энергоблоков, в которое было инвестировано порядка 23 млрд. рублей, позволило

существенно увеличить экономическую эффективность и надежность работы компании.

Филиал «Самарский» входит в состав крупнейшей российской частной энергокомпании – ПАО «Т Плюс» (до июня 2015 года – КЭС-Холдинг). «Т Плюс» обеспечивает стабильное и бесперебойное энергоснабжение в 16 регионах России. Клиентами компании являются более 14 млн. физических лиц и более 160 тысяч юридических лиц.

Содержание

Предвоенный рывок куйбышевской энергетики	4
Мобилизация на энергетический фронт	14
Враг не пройдет	19
Ты головой отвечал за каждую кнопку	22
Модернизация в условиях военного времени	29
Битва за энергоэффективность	32
Бытовые условия	35
Трофейные мегаватты	39

Воспоминания ветеранов

Гриднева Тамара Петровна	44
Кутикова Лидия Николаевна	49
Мелихова Галина Ивановна	54
Нагорнов Петр Степанович	59
Ненашев Сергей Алексеевич	72
Пономарева Любовь Яковлевна	77
Свистунов Владимир Степанович	85
Синдякина Ирина Викторовна	94
Сундукова Валентина Николаевна	98
Титавнин Борис Александрович	110
Литература	123
Самарский филиал ПАО «Т Плюс»	124

Уважаемые читатели!

Если у вас или ваших родственников есть интересные воспоминания, фотографии и документы об истории самарской энергетики, то сообщите нам об этом, пожалуйста, по тел. (846) 279-62-77 или на адрес:

VLADIMIR.GROMOV@TPLUSGROUP.RU.

Ваша информация нужна для создания полной, интересной и достоверной истории того, как создавалась самарская энергосистема.

Громов Владимир Игоревич

На энергетическом фронте

**Труд и быт куйбышевских энергетиков
во время Великой Отечественной войны**

Компьютерная верстка	П. Иванников
Корректор	Е. Будячевская
Дизайнер	П. Шумков

Подписано к печати 14.07.15. Печать с готовых файлов.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Minion Pro. Усл.печ.л. 6,72.
Тираж 1500 экз. Заказ

Издательский Дом «Бахрах-М».
443029, г. Самара-29, а/я 14077.
E-mail: bahrah-sam@mail.ru